

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ

СКАЗАНИЯ • ПРИТЧИ

Сборник Древний Египет. Сказания. Притчи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24628349

Древний Египет. Сказания. Притчи / Перевод И. С. Кацнельсона, Ф. Л. Мендельсона; предисл. и примеч. И. С. Кацнельсона: ФОРУМ, НЕОЛИТ; Москва; 2015

ISBN 978-5-91134-985-1, 978-5-9903746-3-8

Аннотация

До нас дошла лишь незначительная доля произведений некогда богатой и разнообразной литературы Древнего Египта. Она возникла на тысячелетия раньше, чем «Илиада» и «Одиссея» и многие произведения художественного творчества народов Индии и Китая. Почти 4000 лет назад была записана легенда о «Потерпевшем кораблекрушение». Другие тексты, например «Фараон Хуфу и чародеи», записаны, правда, несколько позже, но нас разделяют почти 2800 лет.

Многие сюжеты, разрабатываемые в фольклоре и литературе почти всех народов мира, впервые получили литературное оформление в древнеегипетских сказках. Это не означает, что Египет вообще является родиной сказки, но более древних сказок, чем египетские, пока не известно.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

Содержание

Предисловие	5
Потерпевший кораблекрушение	25
История Синухета	33
Красноречивый крестьянин	56
Фараон Хуфу и чародеи	80
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Древний Египет. Сказания.

Притчи. Сборник

© Издательство «ФОРУМ», 2015

© Издательский дом «НЕОЛИТ», 2015

Предисловие

Зимой 1880/81 года Владимир Семенович Голенищев, незадолго до этого назначенный хранителем Египетского собрания Эрмитажа, ознакомился с вверенными его попечению коллекциями. Обнаруженный им в одном из шкафов папирус сразу привлек внимание молодого ученого.

Где была впервые найдена эта рукопись, когда и каким образом попала она в Эрмитаж, не знал никто. Превосходно сохранившийся папирус с уцелевшими началом и концом, что случается далеко не часто, и по письму и по языку весьма напоминал древнейшие папирусы, которые хранились в Берлинском музее. Необычным оказалось и содержание рукописи. «Писец с умелыми пальцами Амено, сын Амени» около четырех тысяч лет тому назад переписал понравившуюся ему сказку. Правда, несколько других сказок и даже одна повесть уже стали достоянием науки на протяжении трех предшествующих десятилетий. Но сказка, открытая В. С. Голенищевым, превосходила их древностью: рукопись датировалась примерно 1900 годом до н. э. Вместе с тем она, как писал двадцатипятилетний ученый в своем докладе, прочитанном им вскоре на Всемирном конгрессе ориенталистов, «призвана пролить некоторый свет на происхождение нескольких очень известных арабских и древнегреческих рассказов, с которыми имеет величайшее сходство».

«Известные арабские и древнегреческие рассказы» – это не что иное, как приключения Синдбада-морехода из «Тысячи и одной ночи» и «Одиссея». И если В. С. Голенищев несколько увлекся, говоря о «величайшем сходстве», он был вполне прав, указывая на некоторую несомненную общность сюжета и его разработки. Открытая им рукопись, которую он первый полностью издал и описал, ныне хранится в Государственном Эрмитаже и пользуется мировой известностью под названием сказки о «Потерпевшем кораблекрушение».

После гениального открытия Франсуа Шампольона, нашедшего в 1822 году ключ к чтению древнеегипетских иероглифов, многие ученые вопреки фактам неоднократно утверждали, что у древних египтян не было, да и не могло быть художественной литературы. Эти утверждения подкреплялись глубокомысленными рассуждениями о «древности, математической правильности языка египтян», об отсутствии у них «силы мифического творчества», ибо они «жили в слишком большом непосредственном напряжении, мешавшем им углубляться в самих себя», и т. д. Даже великий немецкий поэт Гете, как отмечал известный критик В. В. Стасов, при всей его отзывчивости ко всякому проявлению художественного творчества, скептически относился не только к памятникам египетской литературы, но и к древнеегипетскому искусству в целом, считая их не более чем курьезами, бессильными принести пользу «нравственному и эстетическому образованию человечества». Здесь сказыва-

лось не только недостаточное еще в то время знакомство с великой культурой долины Нила, но и вообще пренебрежение к цивилизации народов Востока.

«Неужели, – писал в 1868 году Стасов, – существовал такой народ, неужели когда-то жили такие следовавшие один за другим миллионы людей, в которых никогда не говорило поэтическое чувство, которые отроду не находили надобностей выражать посредством слова (а значит, и письма) душевные свои движения, радость и горе, свои порывы, обожания и надежды и которые никогда не возвысили речь свою до степени художественного произведения?» Со свойственным ему темпераментом критик ополчился против тех, кто отрицал возможность существования литературы в Древнем Египте и имел «обычай все пробелы знаний наполнять собственными соображениями, и там, где недостает точных и положительных фактов, ставить на место их – мало того, что предположение того или другого рода, но еще и философские... доказательства, почему совершился и существовал такой-то и такой-то факт (нам вовсе не известный)».

Время доказало его правоту. Были открыты, изучены и опубликованы десятки других папирусов, сохранивших частично или полностью ценнейшие литературные произведения самых разнообразных жанров: сказки, повести, поучения, гимны, любовную лирику.

Вот почему в своей статье в том же «Вестнике Европы» (1882) об открытии В. С. Голенищевым сказки о «По-

терпевшем кораблекрушение» В. В. Стасов имел полное основание заявить: «Египетская литература заняла одно из почтеннейших и важнейших мест в ряду древних восточных литератур».

Неутомимый собиратель и исследователь В. С. Голенищев за свою долгую жизнь – он умер в 1949 году в возрасте девяноста трех лет – открыл и впервые издал многие литературные памятники Древнего Египта. Так, в 1891 году ему посчастливилось приобрести в Среднем Египте папирус, содержащий описание путешествия в Сирию и на остров Кипр Унуамона, посланца верховного жреца храма бога Амона-Ра в Фивах. Он первый описал этот текст и перевел его. Ныне этим всемирно известным уникальным папирусом заслуженно гордится Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, куда полностью поступило великолепное собрание египетских древностей, составленное В. С. Голенищевым.

До нас дошла лишь незначительная доля произведений некогда богатой и разнообразной литературы Древнего Египта. Они возникли на тысячелетия раньше, чем «Илиада» и «Одиссея» и многие произведения художественного творчества народов Индии и Китая. Почти четыре тысячи лет отделяют нас от того дня, когда была записана сказка о «Потерпевшем кораблекрушение». Другие сказки, например «Фараон Хуфу и чародеи», записаны, правда, несколько позже, но они повествуют о событиях времени строительства

пирамид и, следовательно, возникли почти за тысячелетие до их записи.

Папирус – материал крайне непрочный, хрупкий. И если теперь, через тысячелетия, до нас все же дошли отдельные папирусы, сохранившиеся в развалинах храмов и домов, в гробницах или просто в песках Верхнего Египта, то этим мы обязаны исключительно сухому климату страны, где дождь выпадает раз в несколько лет. Целые папирусы, как уже упоминалось, большая редкость; обычно находят только обрывки свитков, без начала и без конца, со многими пропусками.

Современные древним египтянам народы стран Ближнего Востока использовали для письма глиняные таблички – материал, которому не страшны ни время, ни огонь, ни климатические условия. Десятки тысяч вавилонских, ассирийских, хеттских и угаритских глиняных табличек хранятся в различных музеях мира. Однако, кроме эпоса, литературных произведений среди них почти не обнаружено. Случайно ли это? Едва ли. По сравнению с обширными клинописными архивами на глиняных табличках папирусов уцелело ничтожно мало. Вот почему можно полагать, что в долине Нила впервые в истории человечества оформились некоторые основные жанры художественного литературного творчества, в том числе и притча.

Литература Древнего Египта возникла еще в четвертом тысячелетии до нашей эры. В эту эпоху формировались также его религия и искусство. Во всяком случае, древней-

шие известные нам произведения – «Потерпевший кораблекрушение» и «История Синухета» свидетельствуют о предшествующем длительном периоде развития художественного творчества. Им уже присуща и сложная композиция, и своеобразный литературный язык, и стремление к ритму и аллитерации. Последнее в высокой степени характерно для «Красноречивого крестьянина». Для того чтобы достичь подобной степени совершенства, требовались многие века.

С древностью египетской литературы связаны ее самобытность и своеобразие. Египетская культура, возникшая на крайнем юго-западе древневосточного мира, в течение долгих веков развивалась обособленно. Почти все, чего добился народ, населявший долину Нила, он создал самостоятельно.

Напомним, в Древнем Египте только обеспеченные люди могли обучать своих детей письму из-за его сложности и, если так можно выразиться, громоздкости. Писец должен был запомнить сотни буквенных, слоговых, смысловых и пояснительных знаков. Он должен был прочно закрепить в памяти орфографию каждого слова и усвоить сложные обороты, диктовавшиеся правилами хорошего тона и требованием литературного стиля. Разумеется, никаких пособий, грамматических или иных, не имелось, кроме списков отдельных слов и терминов, расположенных в порядке их смыслового значения. Знаки для гласных звуков отсутствовали, знаков препинания и промежутков между словами не существовало. Окончания залогов, времени и т. д. могли не выписываться.

ваться. Знания приходилось приобретать только путем длительных упражнений. Это заставляло тратить долгие годы на учение и, следовательно, требовало значительных средств.

Существовало три типа письма. Древнейшее из них – иероглифическое, в котором каждый знак тщательно выписывался со всеми деталями. Им пользовались на протяжении всей истории Египта, особенно для надписей, которые высекали на каменных стелах, стенах гробниц, храмов и т. д. С распространением в качестве материала для письма папируса появляется иератика. Это те же иероглифические знаки, принявшие более схематическую курсивную форму. Иератикой пользовались начиная с конца Древнего Царства (3000–2400 гг. до н. э.) до Нового Царства (1580–1071 гг. до н. э.). Примерно с конца VIII века до н. э. ее постепенно вытесняет демотическое письмо, где беглость доведена до того, что несколько знаков сливаются в один. Это придает демотическому письму некоторое отдаленное сходство со стенографией. Демотическое письмо особенно распространилось в ту эпоху, когда Египет находился под властью греков и римлян, то есть с конца IV по III в. н. э. Поздние литературные тексты, например «Сказания о Сатни-Хемуасе» (I в. н. э.), написаны демотикой, чтение которой сопряжено с большими трудностями, ибо требует специальных навыков.

Вот почему далеко не всегда легко и просто установить, какие идеи и мысли были запечатлены в сказках тогда, когда их еще передавали из уст в уста. Очень показателен в этом

отношении круг сказок, связанных с фараоном IV династии Хуфу (Хеопс). Воздвигнутые им и его преемниками ок. 2800 года до н. э. великие пирамиды, конечно, в значительной степени способствовали возникновению легенд и преданий об их строителях. Одну из этих легенд записал Геродот, посетивший Египет в середине V в. до н. э., то есть спустя более двух тысяч лет после описываемых в ней событий.

Геродот писал: «Царь Хеопс подверг Египет всевозможным бедствиям... Он заставил всех египтян работать на себя. Одних он заставил перетаскивать камни из каменоломен Аравии до самого Нила. Другие должны были тащить эти камни, переправленные через Нил на плотах, до так называемого Ливийского хребта. Так работало непрерывно около ста тысяч человек в течение трех месяцев каждый. Народу пришлось около десяти лет трудиться только над проведением дороги, по которой тащили камни... Постройка же самой пирамиды продолжалась около двадцати лет... Подлость Хеопса доходила до того, что, нуждаясь в деньгах, он поместил свою дочь в публичный дом и принудил ее зарабатывать ежедневно определенную сумму денег». И далее, говоря о Хуфу и его преемниках, Геродот добавляет: «Насчитывают сто шесть лет, в течение которых египтяне терпели всевозможные беды... Из ненависти к этим Царям египтяне неохотно называют их имена».

Но в Египте сохранились не только сказки. Отсюда происходят и древнейшие известные в истории мировой литерату-

ры повести. Здесь авторство принадлежит одному человеку или небольшой группе лиц, вносявших последовательно при переписывании текста те или иные изменения или добавления, в особенности стилистические, пока произведение не приобретало более или менее законченную форму. Сюжетная линия обычно оставалась неизменной. В этом отношении особенно характерен рассказ о похождениях Синухета.

Известно около двадцати пяти различных списков этого произведения, относящихся к IX–X вв. до н. э. Они содержат от нескольких обрывочных строк до почти полного текста. И каждый из них имеет какую-либо особенность в языке или стиле, отличающую его от других. В основе повести, возможно, лежат подлинные события, впоследствии приукрашенные и поэтизированные. Во всяком случае, она во многом напоминает те автобиографии, которые египетские вельможи приказывали высекать на стенах гробниц, чтобы увековечить свои деяния.

К повести «История Синухета» примыкает по характеру и другая повесть – «Злоключения Унуамона», которая сохранилась, к сожалению, только в одном, и то неполном экземпляре. Этот рассказ очевидца значительно менее приукрашен, чем предшествующий, хотя, видимо, также подвергся последующей литературной обработке. Добросовестно и просто описывает Унуамон все, что ему довелось пережить и претерпеть. При этом ему нельзя так же, как и Синухету, отказать в яркости и образности некоторых эпитетов, срав-

нений и метафор, что вообще в высокой степени присуще древнеегипетской литературе. В ней можно найти образы, которые могут поразить и современного читателя, например сравнение ощущения жгучей жажды со вкусом смерти («История Синухета») или описание достоинств корабельщиков («Потерпевший кораблекрушение»). Иногда встречаются и очень меткие выражения – очевидно, пословицы. Особую живость придает повествованию и то, что рассказ ведется от первого лица. Этот прием заимствован, видимо, из уже упоминавшихся выше автобиографических надписей; он был впервые в мировой литературе применен в Египте.

Подобные повести, возникшие в другой социальной среде, существенно отличаются от сказок. Их отличают не только иная направленность и иное содержание, а также форма и стиль. В сказках, в общем, стиль остается более простым, хотя есть и исключения.

«История Синухета» и «Злоключения Унуамона» могут быть названы историческими повестями. В них достаточно точно и объективно отобразились определенные политические события, например династические распри после смерти Аменемхета I или ослабление страны при последнем представителе XX династии – Рамсесе XII. Недаром эти литературные памятники наряду с историческими надписями и анналами привлекаются для воссоздания прошлого Египта.

Но одновременно с подобными «историческими» повестями существовали сказания, легенды, иногда даже целые

циклы их, которые группировались вокруг тех или иных событий или отдельных исторических личностей. В таких сказаниях и циклах легенд события, отстоявшие друг от друга на целые столетия, сближались и становились синхронными, действия одних лиц приписывались другим, жившим многие века спустя. Герои наделялись необыкновенными способностями, истина причудливо переплеталась с вымыслом. В этом отношении очень характерна сказка о «Гиксосском царе Апопи и фараоне Секненра». Оба они вполне реальные лица, жившие, видимо, в конце XVII в. до н. э. Правильно передана и историческая канва. Действительно, Египет находился под властью гиксосов – племени, вторгнувшемся в долину Нила из Передней Азии на исходе XVIII в. до н. э. Верно и то, что фараон XVII династии Секненра начал освободительную войну с захватчиками. Он, видимо, пал в одном из сражений. Во всяком случае, его мумия, найденная в тайнике, имеет следы смертельных ранений. Естественно, что подобные события не могли изгладиться из памяти народа.

К сожалению, конец сказки не сохранился. Будь она более полной, ее, возможно, с большим основанием можно было бы сблизить с героическим эпосом, некоторые отличительные черты которого несомненно присущи кругу сказаний о фараоне Петубасте. Этот фараон правил в городах Нижнего Египта – Танисе и Буто – в VII в. до н. э., когда страна, раздробленная на отдельные области, находилась под господством ассирийцев, оставивших местным правителям лишь

призрак власти. В сказаниях о нем историческая перспектива полностью искажена. О владычестве ассирийцев не упоминается ни единым словом; они просто названы «азиатами» и, очевидно, спутаны с гиксосами. В сказании о борьбе за владения бога Амона Фиванского слышны смутные отзвуки религиозных реформ Аменхотепа IV, посягнувшего на собственность храмов. Очевидно, искажен и образ самого Петубаста, который отнюдь не был столь кротким и мудрым, каким он представлен в сказаниях. Насколько мы можем судить, это был деятельный и достаточно воинственный правитель, каких было много в ту эпоху, полную смут, междоусобных войн и чужеземных вторжений. Цикл сказаний о фараоне Петубасте оформился много веков спустя после его смерти, когда Египет давно уже потерял свою независимость и сохранились только смутные воспоминания о далеком и славном прошлом, превратившемся в легенду.

Еще более легендарный сказочный характер присущ сказаниям о сыне Рамсеса II – царевиче Сатни-Хемуасе, который был верховным жрецом бога Птаха в Мемфисе. Если в преданиях о фараоне Петубасте имеется какая-то историческая основа, то в сказках, связанных с именем Сатни-Хемуаса, нет ничего правдоподобного, кроме его имени. На передний план выступает вера в чудеса, магию и волшебство. В этих сказках идеализируются и превозносятся сила и могущество Египта в противовес бессилию и слабости иноземных богов, царей, чародеев и воинов. Примером тому мо-

жет служить соревнование в магии египетского волшебника с эфиопским во втором сказании о Сатни-Хемуасе, оканчивающееся посрамлением последнего. Здесь полностью исчезает историческая основа, но зато совершенствуется литературное мастерство. В сказаниях о Сатни-Хемуасе талантливо сплетено в единое целое несколько самостоятельных сюжетов: поиски магической книги, роман дочери фараона Ахуры, сон Сатни-Хемуаса и т. д. Конечно, может быть, здесь сказалось влияние греческой литературы, но как бы то ни было, с точки зрения композиции сказание о Сатни-Хемуасе свидетельствует о значительном литературном мастерстве египтян.

Выше уже отмечались некоторые характерные черты, присущие литературному стилю и языку Древнего Египта, в том числе стремление к аллитерации, ритму и созвучию. Египтян увлекала игра слов. Не могут не тронуть сложные обороты, пышные метафоры, многочисленные и не всегда понятные сравнения. Но у древних египтян была своя, отличная от нашей эстетика, и ее следует учитывать.

Действительно, современному читателю может показаться непонятным, что увлекало обитателей долины Нила и в эпоху Среднего Царства (2100–1750 гг. до н. э.), и столетия позже – в эпоху Нового Царства в сказке о «Красноречивом крестьянине». Сюжет ее предельно прост, а речи героя полны сложными сравнениями и пышными эпитетами.

Время Среднего Царства уже сами египтяне считали «зо-

лотым веком» языка и литературы. В ту пору складываются основные формы художественного творчества, вырабатывается литературный стиль, которому подражали поколения писцов.

Называть героя сказки «крестьянином» можно только условно. Теперь это скорее дань традиции. В действительности он промышлял сбором и продажей лекарственных и иных трав, шкурами животных, различными птицами и т. п. Наименование «крестьянин» произошло от слова «сехти», которое обозначает не только земледельца, но и жителя оазиса.

Сюжет сказки весьма несложен. У обитателя одного из прилегающих к долине Нила оазисов приближенный знатного вельможи отобрал двух ослов с поклажей. В длинных и цветистых речах, произнесенных перед этим вельможей, а затем и перед самим фараоном, пострадавший добивается правосудия. Так как речь потерпевшего нравится тем, для кого она предназначалась, то его бьют, чтобы вынудить его произнести новые, еще более красноречивые жалобы. В конце концов, вдоволь насладившись ими, фараон восстанавливает справедливость.

В последние десятилетия эпохи Среднего Царства, около 1750 года до н. э., народные волнения охватили всю страну. Об этих событиях известно главным образом из двух литературных произведений, возникших в стане тех, кто с нескрываемой злобой относился к взявшемуся за оружие на-

роду. Одно из них – «Пророчество Ноферти» (или, как читали прежде, Ноферреху) – сохранил папирус эрмитажного собрания № 1116 В, другое – «Речения Ипусера» (прежнее чтение Ипувера) – Лейденский папирус № 344.

Начало «Пророчества Ноферти» несколько напоминает сказку о фараоне Хуфу и чародеях. Мудрец Ноферти – «превосходный муж, у которого добра больше, чем у ему подобных», призванный, чтобы развлечь скушающего царя, предсказывает ему будущее. Он «содрогаясь» описывает грядущее восстание, когда «владельцы лишатся своего имущества, а посторонние будут удовлетворены», когда «нижнее станет верхним».

«Речения Ипусера», сохранившиеся, к сожалению, далеко не полностью – начало и конец утрачены, а в середине имеются многочисленные лакуны, – состоят из семи стихотворных отрывков и нескольких прозаических. Стихотворения построены по принципу, обычному для египетского стихосложения: каждый стих начинается одним и тем же вводным словом – рефреном. В первом стихотворении рефреном служит слово «воистину», во втором – «смотрите» и т. д.

Считалось, что «Речения Ипусера» лишены какой бы то ни было реальной исторической основы. Их относили к произведениям мессианистической литературы, считали то диалогом-поучением, то религиозной мистерией. Однако академик В. В. Струве, сравнивая настоящий текст с ритуалами древнеегипетских мистерий, не нашел между ними никако-

го ни внешнего, ни внутреннего сходства. Еще в 1917 году он пришел к выводу, что «Речения Ипусера» представляют собою политический памфлет, отображающий идеологию ущемленной восстанием знати, и что ближайшие аналогии подобного рода нетрудно отыскать в книгах иудейских «пророков» VIII–VII вв. до н. э., сохраненных Библией. Им же тогда была опровергнута принятая многими европейскими учеными датировка этого памятника, относившая время его возникновения к периоду Древнего Царства. На основании тщательного исторического анализа академик В. В. Струве показал, что «Речения Ипусера» возникли значительно позже – в XVIII в. до н. э. Впоследствии вновь опубликованные документы подкрепили его выводы. И все же Лейденский папирус, наряду с некоторыми поучениями и «Пророчеством Ноферти», остается одним из старейших памятников политической полемической литературы.

Сохранились и сатирические произведения. В «Наставлениях писцу» приведен отрывок из «школьной» рукописи, очень образно и с едким юмором рисующий поведение нерадивого писца, предающегося развлечениям и пренебрегающего наукой.

Как уже отмечалось, пока неизвестны литературные памятники, которые по древности и разнообразию форм могли бы сравниться с литературными произведениями Древнего Египта. Но древностью обусловлены и многие их особенности. Однако нельзя не отдать должного чувствам, которые

воодушевляют героев, или мыслям, которые они высказывают. Прежде всего это любовь к своей стране. Ею диктуются поступки потерпевшего кораблекрушение, Синухета, Унуамона. Все они, вынужденные по той или иной причине находиться на чужбине, тоскуют по Египту. И нет для них большего счастья, чем возможность возвращения на берега Нила. Недаром Нилу посвящен гимн, полный благодарности великой реке – кормилице и благодетельнице всего живого. Ведь Египет в подлинном смысле слова, по образному выражению Геродота, является «даром Нила». Это прекрасно сознавали и сами египтяне, восклицавшие, обращаясь к Нилу:

Весь Египет – твоя земля!
Ты радуешься о бедняках,
Наполняешь зерном закрома
И просторные житницы.

В равной степени характерна и привязанность египтян к семье, к близким. Лучше всего это выражено в словах доброго змея – владыки чудесного острова, на который попадает герой сказки «Потерпевший кораблекрушение»: «Если ты мужествен, овладей собой! Будь смел, и ты обнимешь своих детей, ты поцелуешь свою жену, ты увидишь свой дом, – а что может быть лучше этого?»

Но этим далеко не исчерпывается значение древнеегипетской литературы. Большая часть ее – древнейшее свидетельство художественного творчества человека. В древнеегипет-

ской литературе впервые встречаются многие литературные приемы, и притом довольно сложные, которые применяются и поныне во всех литературах мира. Например, «рамка» с самостоятельным сюжетом, которая позволяет объединить в единое целое несколько не связанных между собой отдельных произведений. Эта «рамка» объединяет вместе сказки о фараоне Хуфу и чародеях. В сказке о Сатни-Хемуасе мир реальный сливается с миром фантазии. Это сделано чрезвычайно искусно, и читатель почти до самого конца остается в полном неведении, что развивающиеся события происходят во сне, а не наяву.

Наконец, многие сюжеты, разрабатываемые в фольклоре и литературе почти всех народов мира, впервые получили литературное оформление в древнеегипетских сказках. Тому можно привести сотни примеров. Достаточно указать, что сказка «Рампсинит и неуловимый вор» имеет параллели в сказках немецких, датских, английских, русских, кипрских, тибетских, индийских, китайских, осетинских, арабских, чешских, бретонских, сицилийских и т. д. Сказка о «Потерпевшем кораблекрушение» перекликается со «Сказкой о Синдбаде-мореходе» из «Тысячи и одной ночи», а басня «Лев и мышь» чрезвычайно близка басне древнегреческого баснописца Эзопа. Это не означает, что Египет вообще является родиной сказки, но более древних сказок, чем египетские, пока неизвестно.

Настоящий сборник избранных литературных произведе-

ний Древнего Египта – первый опыт их перевода для массового читателя. Это значительно усложняло работу переводчиков. О трудностях, сопряженных с изучением древнеегипетского письма, говорилось выше. Правда, мы располагаем теперь словарями и грамматиками, но само изучение языка древних египтян началось относительно недавно, и значение многих слов еще окончательно не выяснено. Кроме того, неповрежденный папирус представляет собой большую редкость. От одних дошли только отдельные страницы без начала и конца, другие изобилуют пропусками. Если упомянуть о ряде недоразумений, возникающих в связи с ошибками и описками, то получится ясная, но далеко не полная картина тех трудностей, с которыми сталкивается каждый переводчик древнеегипетских текстов.

До сих пор произведения древнеегипетской литературы переводились преимущественно текстуально. Такого рода переводы представляли интерес главным образом для специалистов. Настоящий сборник ставит перед собой иные задачи. Переводчики стремились познакомить читателя с древнейшими памятниками мировой литературы как с художественными произведениями. Стараясь сохранить максимальную точность перевода, они исходили прежде всего из требований, предъявляемых к художественному переводу вообще. Поэтому данный перевод не является обычным лингвистическим подстрочником, принятым в египтологии. В целях соблюдения художественной целостности недоста-

ющие части отдельных произведений были восполнены по восстановлению крупнейших египтологов – Г. Масперо, Ф. Гриффитса, А. Гардниера, В. Шпигельберга, а также Г. Эберса, с некоторыми изменениями как стилистическими, так и смысловыми, которые переводчики сочли необходимым внести.

В отдельных случаях переводчики произвели восполнение текста самостоятельно, исходя из его содержания и дополнительных данных, заимствованных из других источников. Все эти восстановления и дополнения, относящиеся, как правило, к концу или началу некоторых произведений, отделены от сохранившегося текста тремя звездочками.

Потерпевший кораблекрушение

Послал фараон одного из знатных вельмож страны своей в далекое плаванье. Но постигла того неудача, и не смог он выполнить повеление фараона. Возвратился он в Египет ни с чем.

С печалью смотрел вельможа на берег: страшил его гнев фараона.

И тогда обратился к нему с утешением бывалый дружинник из свиты его.

* * *

И сказал бывалый дружинник:

– Да возрадуется сердце твое, князь мой! Вот достигли мы места, где пребывает двор фараона, взяли колотушку, вбили причальный кол и забросили на берег носовой канат. Все восхваляют и славят бога. Корабельщики обнимают друг друга, ибо все возвратились целыми и невредимыми и нет убыли среди наших солдат. Благополучно миновали мы пороги Уауата¹, оставили позади остров Сенмут² и, наконец, достигли нашей страны!

Выслушай меня, князь мой! Не праздные слова я скажу тебе.

¹ Уауат – область Северной Нубии около первого порога Нила.

² Остров Сенмут – современный Бите, находится в районе первого порога, считался пограничным пунктом Египта с Нубией.

Омой лицо свое, ополосни водой пальцы свои и будь готов отвечать, когда тебя спросят. Говори с фараоном без страха, отвечай ему не запинаясь. Уста человека спасают его, умелая речь вызывает к нему снисхождение. Впрочем, делай как знаешь, ибо я уже говорил тебе это не раз.

Слушай, я расскажу тебе нечто о несчастье, подобном твоему, но которое приключилось со мной.

Я плыл к рудникам фараона, я спускался к Великому Зеленому морю³ на корабле длиною в сто двадцать локтей⁴ и шириною в сорок. Было на нем сто двадцать корабельщиков из числа наилучших в Египте. Они повидали небо, они повидали землю, и сердца их были отважнее, чем у львов. Они умели предсказывать бури задолго до их начала, они предугадывали грозу задолго до ее приближения.

Но вот, когда мы плыли по Великому Зеленому морю, вдруг разразилась буря. Вихрь налетел и поднял волну высотой до восьми локтей. Мачта обрушилась; сильным ударом сбил ее гребень волны. Корабль затонул, а с ним вместе все, кто на нем находился. Только меня одного вынесли волны Великого Зеленого моря на остров.

Три дня я провел в одиночестве; лишь сердце мое было моим товарищем. В изнеможении я лежал под деревом, стараясь укрыться в его тени. Потом я поднялся и направил стопы свои на поиски пищи. Вскоре нашел я смоквы и вино-

³ Великое Зеленое море – Красное море.

⁴ Локоть – мера длины, равная примерно 50 см.

град, увидел сикоморы со зрелыми и дозревающими плодами, огурцы, словно выращенные человеком, и другие превосходнейшие овощи. Еще я увидел множество птиц, а в источниках – всевозможных рыб. Ни в чем не было недостатка на этом острове! Насытился я, а то, что сорвал, но не смог уже съесть, положил обратно на землю. Потом я сделал снаряд для добывания огня, развел костер и принес богам жертву всеожжения.

Но вдруг я услышал гул, подобный раскатам грома. Я подумал, что это Великое Зеленое море снова обрушило свои волны на остров, и в страхе закрыл лицо руками. Деревья вокруг трещали, и земля тряслась подо мной.

Когда же я снова открыл лицо, то увидел, что это был змей длиною в тридцать локтей и с бородой длиною в два локтя. Кольца тела его были покрыты золотом, брови его были из чистого лазурита. Он шел ко мне, и тело его извивалось.

Я простерся перед ним на животе своем, а он отверз уста свои и сказал мне:

– Кто принес тебя сюда? Кто принес тебя сюда, ничтожный? Кто принес тебя? Если ты замедлишь с ответом и не скажешь, кто принес тебя на этот остров, я обращу тебя в пепел, и ты это изведешь, прежде чем превратиться в ничто.

И ответил я:

– Ты говоришь со мной, но темен смысл твоих слов. В страхе я лежу перед тобой и ничего не понимаю.

Тогда взял меня змей в свою пасть и понес к своему жи-

лицу. Там положил он меня на землю так осторожно, что остался я жив и невредим. Снова простерся я перед змеем на животе своем, а он отверз уста свои и сказал:

– Кто принес тебя? Кто принес тебя сюда? Кто принес тебя сюда, ничтожный? Кто принес тебя на этот остров, окруженный водами Великого Зеленого моря?

Я сложил перед ним руки и сказал в ответ на его слова:

– По приказу фараона я плыл к рудникам на корабле длиною в сто двадцать локтей и шириною в сорок. Сто двадцать корабельщиков было на нем из числа наилучших в Египте. Повидали они небо, повидали землю, и сердца их были отважнее, чем у льва. Они умели предсказывать бури задолго до их начала, они предугадывали грозу задолго до ее приближения. Один был сильней и смелее другого, и не было несведущих среди них. Но когда мы плыли по Великому Зеленому морю вдаль от всех берегов, вдруг разразилась буря. Вихрь налетел и поднял волну высотой до восьми локтей. Мачта обрушилась – сбил ее гребень волны. Корабль затонул, а с ним вместе все, кто на нем находился. Один я спасся, и вот я перед тобой. Волны Великого Зеленого моря принесли меня на этот остров.

И тогда сказал змей:

– Не бойся меня, ничтожный, не бойся! Теперь, когда ты со мной, незачем тебе бледнеть от страха. Видно, сам бог пожелал, чтобы ты остался в живых, ибо это он направил тебя к моему острову Духа, на котором такое множество пре-

восходных вещей и нет недостатка ни в чем. Здесь, на этом острове, будешь ты жить месяц за месяцем, пока не завершишь четвертый месяц. И тогда придет корабль из страны твоей, и будут на нем корабельщики, которых ты знаешь. Ты вернешься с ними на родину и умрешь в своем городе. И будешь ты счастлив, когда все тяжелое останется позади, и ты станешь рассказывать о том, что случилось с тобой.

Слушай, я расскажу тебе нечто о несчастье, которое произошло на этом острове. Здесь я жил со своими братьями и детьми, и всего нас было семьдесят пять змеев.

Еще была среди нас одна девочка, дочь простой смертной, но ее я не считаю. И вот однажды упала с неба звезда, и пламя охватило всех. Случилось это, когда меня с ними не было. Они все сгорели, и лишь я один спасся. Но когда я увидел эту гору мертвых тел, я сам едва не умер от скорби.

Так вот, если ты мужествен, овладей собой! Будь смел, и ты обнимешь своих детей, ты поцелуешь свою жену, ты снова увидишь свой дом, – а что может быть лучше этого? Ты вернешься в свой город и доживешь до конца своих дней среди собратьев твоих.

Простершись перед змеем на животе своем, я коснулся челом земли и сказал ему:

– О твоём могуществе я поведаю фараону о твоём величии я расскажу ему. Я прикажу доставить тебе благовония хекену иуденеб и хесаит⁵, ладан и ароматические смолы, ко-

⁵ Хекену, иуденеб, хесаит – названия различных ароматических веществ.

торые радуют богов. Я расскажу всем о том, что случилось со мною на этом острове и что я увидел здесь благодаря твоему могуществу. И будут славить тебя в моем городе перед советом вельмож всей страны. Для тебя заколю я быков и принесу тебе жертву всесожжения. В дар тебе принесу я птиц. Я велю послать к тебе корабли, нагруженные всем, что есть наилучшего в Египте, и принесу их тебе в жертву, как богу, благосклонному к людям в этой далекой стране, о которой они не ведают.

И тогда посмеялся змей надо мною, точно слова мои были бессмысленны, и сказал:

– Мирры у тебя немного, и есть у тебя только ладан. Я же – повелитель Пунта, страны благовоний, и вся мирра принадлежит мне. Что же до благовонного хекену, которое ты мне обещаешь, то его на острове больше всего остального. Но не в этом суть, а в том, что, покинув мой остров, ты уже не найдешь его, ибо место это скроется под волнами.

И было все так, как предсказывал змей. К острову прибыл корабль. Я пришел на берег, влез на высокое дерево, увидел людей, которые были на корабле, и узнал их.

Тогда я направился к змею, чтобы рассказать о корабле, но увидел, что он уже все знает. Сказал мне змей:

– Будь здоров, будь здоров, ничтожный! Ты вернешься домой невредимым, чтоб увидеть своих детей! Прославь меня в своем городе, вот о чем я тебя прошу.

Тогда я простерся перед ним на животе своем и сложил

руки, и он дозволил мне взять благовония хекену, иуденеб, хесаит, тишепсес, мирру черную мазь для глаз, хвосты жирафа, столько ароматной смолы и ладана, сколько я хотел, слоновую кость, охотничьих собак, мартышек, бабуинов и множество других превосходнейших вещей. И все это я погрузил на корабль.

Потом я простерся перед змеем на животе своем, чтобы поблагодарить его. И тогда он сказал мне:

– Через два месяца ты достигнешь своей страны, ты обнищешь своих детей, ты вновь обретешь на родине молодость, и когда придет срок, ты будешь погребен по обычаю.

Затем я спустился на берег, к кораблю, и окликнул людей, которые были на нем. Стоя на берегу, я возблагодарил владыку этого острова, и те, кто был на корабле, сделали то же самое. А потом мы поплыли на север.

Через два месяца, как предсказывал змей, достигли мы места, где пребывал двор фараона. Явился я к фараону и сложил перед ним все дары, привезенные мною с того острова. И поблагодарил меня фараон перед советом вельмож всей страны, наградил меня своими рабами и принял меня в свою свиту.

Вот видишь, сколько я повидал, сколько я перенес, пока не вернулся в свою страну! Слушай меня, я не зря говорю тебе это! Полезно слушать слова других.

Но ответил ему вельможа:

– Не хитри со мною, мой друг. Незачем поить ночью

птицу, которую утром зарежут! Скучно слушать твои речи. Впрочем, поступай как знаешь...

Здесь завершается рассказ, как его записал от начала и до конца Амено, сын Амени, писец с умелыми пальцами, да будет он жив, невредим и здоров!

История Синухета

Синухет, князь из знатного рода, судья и правитель подвластных фараону земель в стране бедуинов, воистину известный фараону и любимый им приближенный из свиты его, рассказывает о себе:

– Я был спутником фараона и следовал всюду за своим господином. Я был слугою его гарема при высокочтимой Нофру, любимой сестре и супруге фараона Сенусерта, чья пирамида в Хнумсуте, благородной дочери фараона Аменемхета, чья пирамида в Канофру⁶.

В тридцатом году, на седьмой день третьего месяца разлива Нила, божественный лик фараона скрылся за горизонтом; Схотепибра⁷, владыка Верхнего и Нижнего Египта, вознесся на небо и соединился с Солнцем – тело бога вновь слилось с божеством, которое его породило. Двор погрузился в молчание, все сердца охватила скорбь. Большие двойные ворота были заперты, придворные сидели, склонившись лицом в колени, а народ причитал.

В те дни войско фараона находилось по его приказу в

⁶ Аменемхет (2000–1980 гг. до н. э.) и Сенусерт (1980–1934 гг. до н. э.) – фараоны XII династии. Хнумсут и Канофру – места их погребения близ Лишта, южнее Мемфиса, на западном берегу Нила.

⁷ Схотепибра (Любезный сердцу Ра) – тронное имя Аменемхета I.

стране Тимхи⁸. Во главе его стоял старший сын фараона, благой бог Сенусерт. Был он послан туда, чтобы сокрушить мощь чужой страны и покарать врагов фараона, укrywшихся среди племен техену⁹. И вот он уже возвращался, ведя за собою пленников из страны Техену и неисчислимые стада скота.

Тогда семеры, друзья фараона, послали вестников к сыну его, чтобы предупредить о случившемся во дворце. Гонцы застигли его в пути и предстали перед ним, хотя была уже ночь. Наследник фараона не стал медлить ни мгновения: божественный Сокол со своею свитой устремился ко дворцу, не оповестив даже войско свое.

Но в ту же ночь прибыли гонцы и к другим сыновьям фараона, находившимся при войске вместе с наследником. К одному из них тайно явился вестник, и я услышал их голоса, потому что стоял поблизости.

Когда же я услышал, о чем они говорят, сжалось сердце мое, опустились руки мои, и дрожь охватила меня с головы до ног. Большими прыжками я удалился от них и спрятался. Я лег между двумя кустами, чтобы те, кто двигался по дороге, прошли мимо и не заметили меня. Переждав, я направился на юг. Во дворец фараона решил я не возвращаться. Опасался я, что вскоре начнется там междоусобица и я погибну в этой борьбе за трон.

⁸ Страна Тимхи – Ливия.

⁹ Техену – родственные египтянам племена.

И вот переправился я через воды озера Маати вблизи священных сикомор и достиг острова Снофру¹⁰. Целый день я прятался на краю возделанного поля, а когда наступил рассвет нового дня, вновь тронулся в путь.

Внезапно встретил я человека. Страх овладел мной, но путник почтительно приветствовал меня, и мы разминулись.

Когда подошла пора вечерней трапезы, достиг я города Гау. Отсюда, в лодке без рулевого весла, переправился я через Нил: западный ветер помог мне. Я обогнул каменоломни с восточной стороны и поднялся выше по течению к Владычице Красной горы¹¹.

Направил я стопы свои к северу и достиг Стен Князя – сильной крепости, воздвигнутой для того, чтобы сокрушать кочевников пустынь и отражать набеги бедуинов. Опасаясь, как бы дневная стража со стен меня не заметила, я пригнулся и затаился в кустах.

С наступлением ночи я снова двинулся в путь и к рассвету, когда земля озарилась, добрался до Петни. Остановился я на острове Великого Черного озера с горькой водой. Одолела меня жестокая жажда. Гортань моя пересохла, горло мое забило пылью, и тогда сказал я себе: «Это вкус смерти!»

Но вскоре услышал я рев стад и увидел кочевников-бе-

¹⁰ По-видимому, речь идет об озере Мариут, которое, так же как и остров Снофру, расположено в северо-восточной части дельты Нила. Священные сикоморы – рощи сикомор часто посвящались богине Хатор (богиня веселья и любви) и считались местом ее обиталища.

¹¹ Владычица Красной горы – современная Гебель Ахмар, гора севернее Каира.

дуинов. Сердце мое ободрилось, и силы вернулись ко мне. Шейх¹² бедуинов, побывавший в Египте, узнал меня. Он дал мне воды, а затем приказал вскипятить для меня молока. Вместе с ним предстал я перед людьми его племени, и они обошлись со мною радушно.

Из одной страны шел я в другую страну. Покинул я Библ и вернулся в Кедем¹³. Здесь, на востоке, прожил я год и еще полгода.

Но однажды призвал меня к себе Ненши, сын Аму, правитель Верхнего Ретену¹⁴, и сказал мне:

– У меня тебе будет лучше, ибо здесь ты услышишь египетскую речь.

Так сказал он потому, что знал о моих достоинствах и наслышан был о моей мудрости. Египтяне, которые находились при нем, за меня поручились.

И еще спросил он:

– Почему пришел ты в эту страну? Что тебя заставило? Не случилось ли чего-нибудь при дворе фараона?

Отвечал я ему:

– Владыка Верхнего и Нижнего Египта Аменемхет покинул землю и скрылся за горизонтом. Никто не знает, что те-

¹² Шейх – старейшина у арабских племен.

¹³ Библ – древний финикийский город на Сирийском побережье. Кедем (буквально «восток») – очевидно, область пустынь восточнее Дамаска.

¹⁴ Ретену – область, охватывающая предположительно часть Сирии и север Палестины.

перь будет.

И еще сказал я, решив утаить половину правды:

– Эту весть передали мне, когда возвращался я из похода против страны Техену. Разум мой помутился, сердце мое вырвалось из груди и повлекло меня по дорогам пустыни, хотя никто меня не оскорблял, никто не плевал мне в лицо, никто меня не обвинял, и глашатай, разыскивающий преступников, не выкрикивал мое имя. Я и сам не знаю, что привело меня в эту страну! Видно, так уж было угодно богам...

Тут спросил он меня:

– Что же будет с этой землею без прекрасного божества, перед которым все страны дрожали, как перед богиней войны Сохмет в годину черного мора?

И сказал я ему в ответ:

– Конечно, сын фараона вступил во дворец. По праву завладел он наследством отца своего, ибо нет божества, ему равного, и нет никого, кто бы мог его в чем-либо превзойти. Мудрость ему подвластна, замыслы его совершенны, приказы его превосходны. Все повинуются каждому слову его. Это он покорял чужеземные страны, когда отец его не выходил из дворца своего. Он лишь являлся к нему и говорил, что повеленья его исполнены. Воистину доблестен фараон и могуча десница его! Никто не сравнится с ним, когда он обрушивается на варваров или устремляется в битву. Он сгибает руками рог. Руки врагов его ослабевают, и не могут они сплотить ряды свои. Зоркий, он поражает врагов своих пря-

мо в темя. Никто не в силах устоять перед ним! Быстроногий, он истребляет бегущих. Нет спасения тем, кто показывает ему спину! Отважный, без страха встречает он нападение, не отступает, и сам бросается на врага. И сколько бы ни было врагов, сердце его не дрогнет: оно недоступно страху. Не страшится он орд, идущих с востока. С радостью нападет он на варваров. Он хватает свой щит и повергает врагов на землю. А когда убивает он, ему не приходится повторять удара. Никто не может натянуть его лук, и стрелы его не избежать никому. Варвары бегут от него, как от гнева самой Великой богини войны. Сражается он без устали и, пока не покончит со всеми, не щадит никого.

И в то же время он милосерден, полон сладостной кротости и ласкою покоряет сердца. Его город любит своего господина сильнее, чем себя самого, ликует при виде его больше, чем при виде своих богов. Теперь, когда сделался он фараоном, мужчины и женщины приходят толпами и приветствуют его. Он покори́л их еще тогда, когда находился во чреве матери. Со дня рождения ему суждено было повелевать. Собою он неизмеримо умножил число тех, кто родился в одно время с ним. Он единственный, посланный нам богами. Ликует земля, господином которой он стал. Это он раздвинул ее рубежи! Страны юга покорятся ему, а о северных странах он и не помышляет, ибо он рожден для того, чтобы разбить бедуинов и сокрушить азиатов, кочевников пустынь. Отправь к нему гонцов, чтобы знал он имя твое. И никогда не изрекай

хулы против его величества. Ибо он не обойдет своей милостью даже чужую страну, если она ему преданна.

И тогда сказал мне Ненши, сын Аму:

– Воистину счастлив Египет, потому что он знает, как могуч Сенусерт. Но раз уж ты здесь, оставайся со мной, и я сделаю так, чтобы было тебе хорошо.

И вправду, поставил меня Ненши, сын Аму, выше детей своих и женил меня на своей старшей дочери. Повелел он мне выбрать надел из наилучших в стране своей на границе с другой страной. Прекрасна была эта область, и называлась она Иаа. Росли здесь смоквы и виноград, вина здесь было больше воды, масло и мед имелись в изобилии, и всевозможные плоды вызревали в садах. На полях произрастали здесь ячмень и пшеница, а стада мои были разнообразны и неисчислимы.

Великими милостями осыпал меня Ненши, сын Аму, из любви ко мне. Сделал он меня вождем племени, одним из избранных страны своей. Положил он мне ежедневную долю вина и других напитков, и каждый день посылал он мне долю пищи: мяса вареного и птицы жареной, не считая мелкой дичи пустыни. Эту дичь для меня ловили всегда и клали передо мной, сверх того, что приносили мне мои охотничьи собаки. Также выпекали для меня всевозможные хлебы, и все кушанья для меня готовили только на масле и молоке.

Так прожил я в стране Иаа немало лет. Выросли дети мои, окрепли, и каждый из них стал вождем племени. Гонцы, ку-

да бы ни направлялись они, на север или на юг, ко двору фараона, всегда останавливались у меня: всем путникам я давал приют. Я поил водой жаждущего, я выводил на дорогу заблудившегося, я помогал ограбленному.

По приказу правителя Ретену я командовал его войском, и когда кочевники пустынь осмеливались теснить подвластных ему вождей, я помогал вождям советом и направлял их в бою. Против какого бы племени я ни сражался, я всегда побеждал. Я оттеснял их с пастбищ и от колодцев, я отнимал у них пищу, угонял их скот и захватывал пленников. Тонким расчетом, стремительными походами, десницей моей и луком моим истреблял я вражеских воинов. Всем сердцем благоволил ко мне правитель страны Ретену. Полюбил он меня, когда уверился в моей доблести, и поставил меня даже выше своих детей, когда убедился в силе рук моих.

Но однажды явился ко мне сильнейший из воинов страны Ретену. Он пришел в мой шатер и вызвал меня на бой. Это был храбрый боец, и не было ему равных: победил он всех в стране своей. Он сказал, что будет сражаться со мной один на один. Задумал он ограбить меня, замыслил он угнать все мои стада по наущению племени своего.

Узнал об этом правитель страны Ретену и спросил меня, что нужно тому человеку. И ответил я:

– Я его не знаю. Воистину я с ним незнаком! Никогда я не проникал в его лагерь, никогда не распахивал его ворота, никогда не взламывал его ограду. Он просто завидует мне,

ибо видит, что твои повеления исполняю я. И на самом деле, я ведь словно бык из рассеянного стада, очутившийся вдруг в чужом стаде. Нападает на него длиннорогий бык, устремляется на чужака. Разве станет кто-нибудь любить простолюдина, сделавшегося вождем? Разве станет жить уроженец Дельты¹⁵ вместе с варварами? Разве может папирус расти на скале? Но если вожак стада рвется в бой, должен ли могучий бык показывать ему спину из боязни, что тот его победит? Если сердце его склонно к борьбе, пусть выскажет желанье свое. Кто знает, что его ждет? Только богам открыты предначертанья судьбы.

Ночью натянул я лук свой и приготовил стрелы. Испытал я, легко ли выходит из ножен меч, и проверил свое оружие.

Земля едва озарилась, а люди Ретену уже прибыли. Тот воин собрал все свои племена, он привел с собой половину страны и думал только о поединке.

И вот он двинулся на меня. Я стоял перед ним и ждал.

Все сердца трепетали за меня. Женщины и даже мужчины громко стонали. С болью в сердце говорили они:

– Кто же может сражаться с таким силачом!

Поднял воин Ретену свой щит, взмахнул боевым топором, метнул в меня дротики, один за другим. Но я увернулся от его ударов, и все стрелы его до последней тоже пролетели мимо меня. Тогда мы пошли друг другу навстречу. Устремился он на меня, но тут поднял я лук, и стрела моя вонзи-

¹⁵ Дельта – дельта Нила.

лась ему прямо в горло. Вскрикнул он и повалился носом в песок. Его собственным боевым топором я добил его, наступил ему на спину и прокричал свой победный клич.

Радостным воем приветствовали меня азиаты. Только рабы из племени воина Ретену оплакивали его.

Вознес я хвалу Монту, богу войны, и правитель Ненши, сын Аму, заключил меня в объятия свои.

Потом забрал я добро побежденного и захватил его скот. Я сделал с ним то, что хотел он сделать со мною. Опустошил я становище его и унес все, что было в его шатре. Так возвысился я: увеличилось богатство мои и умножился скот мой. Совершилось это по воле бога. Прогневал я его, и заставил он меня блуждать на далекой чужбине. Но теперь смилоствовался он надо мной. Ликует сердце мое!

Когда-то бежал беглец
Из страны своей,
А теперь возвещают о нем
При дворе.
Когда-то влачился бедняк,
Умирая от голода,
А теперь оделяет он хлебом
Всех соседей.
Когда-то нищий, нагой
Покинул землю свою,
А теперь облачен я в одежды
Из тончайшего полотна.

Когда-то носил я послания,
Ибо гонца не имел,
А теперь у меня рабов
Великое множество.
Прекрасен мой дом,
Обширны владенья мои!
Вспоминают имя мое
При дворе фараона.

Кто бы ни был ты, бог, предначертавший бегство мое, смилуйся надо мной и дозвожь мне вернуться на родину! Дай мне вновь узреть те места, где пребывает сердце мое! Сделай так, чтобы тело мое погребли в той земле, на которой я был рожден! Что может быть выше этого и желанней? Помоги же мне!

То, что случилось, победа моя, – счастливый знак. Оказал мне бог милость. Да будет он милосерден и дальше и да сделает так, чтобы кончилось все хорошо для того, кто был им унижен. Пусть проникнет жалость в сердце бога, который изгнал меня и принудил жить на чужбине. Неужели он не смилуется сейчас надо мной? Пусть услышит он мольбу изгнанника, взывающего издалека. Да протянет он руку тому, кто был им повергнут в прах, и да возвратит он его в страну, из которой изгнал его.

О владыка Египта, будь благосклонен ко мне! Дай мне снова жить милостями твоими! Дозвожь мне приветствовать супругу твою, владычицу Земли, во дворце твоём, дозвожь

мне служить ее детям!

О, если бы тело мое омолодилось! Старость настигла меня, и слабость вошла в мои члены: отяжелели, померкли мои глаза, ослабели руки мои, ноги больше не служат мне, сердце мое утомилось. Близок час моей смерти, и скоро уже понесут меня в город вечности, в город могил. Но прежде хотел бы я послужить еще Владычице всего сущего, хотел бы услышать я, что приятно детям ее, и совершить их волю. Да повелевает она мною вечно, и в этой жизни и в той!

И вот дошли слова мои до его величества Владыки Верхнего и Нижнего Египта, доложили обо мне фараону Хепер-ка-Ра, чей голос правдив¹⁶. И тогда его величество, дабы обрадовать сердце слуги своего, отправил ко мне послов с царскими дарами, словно к правителю какой-нибудь чужеземной страны. И дети фараона из дворца его прислали мне свое повеление.

Копия повеления слуге фараона о его возвращении в Египет

«Гор¹⁷, живой рождениями, обе богини-покровительницы¹⁸, Владыка Верхнего и Нижнего Египта, живой рождени-

¹⁶ Хепер-ка-Ра – тронное имя Сенусерта I. «Чей голос правдив», то есть «искренен и угоден богам», – высшая похвала, означающая, что боги внимают голо-су этого человека. Эта традиционная формула обычно относится к умершим.

¹⁷ Гор – в древнеегипетской мифологии солнечный бог, изображавшийся в виде крылатого солнечного диска или в виде сокола.

¹⁸ Богини-покровительницы – Нехбет, покровительница Верхнего Египта,

ями Хепер-ка-Ра, сын бога Солнца Ра, Сенусерт, да живет он вечно!

Повеление фараона свитскому Синухету. Доставлено тебе повеление это, дабы уведомить о нижеследующем.

Обошел ты дальние земли, прошел от Кедема до Ретену, и сердце твое заставляло тебя бежать из одной чужеземной страны в другую. Но что совершил ты, чтобы страшиться кары? Не злословил ты, и нечего тебе бояться речей своих. Не хулил ты совет знатных, и нечего тебе опасаться слов своих. Страх овладел твоим сердцем, но не было злого умысла против тебя в сердце моем. Повелительница твоя, небо твое, и ныне живет и здравствует во дворце. Голова ее увенчана знаками царского достоинства, и дети ее при дворе. Осыплют они тебя подарками драгоценными, и будешь ты жить их дарами.

Возвращайся в Египет! Там увидишь ты снова двор, при котором вырос, поцелуешь ты землю у Больших ворот дворца и присоединишься к семерам, друзьям фараона. Ведь сейчас ты уже начинаешь стареть, теряешь мужскую силу, и должен ты думать о дне погребения и о последнем пути к вечному блаженству.

Здесь уготована тебе ночь с маслами благовонными, здесь ждут тебя погребальные пелены, сотканые руками богини

изображавшаяся в виде коршуна, и Уаджит, покровительница Нижнего Египта, почитавшаяся в образе кобры.

Таит¹⁹. Здесь проводит тебя похоронное шествие в день последнего соединения с землей. Изготовят тебе саркофаг из золота, а изголовье его – из чистого лазурита. Свод небесный²⁰ раскинется над тобой, когда положат тебя в саркофаг и быки повлекут тебя. Музыканты пойдут впереди тебя и перед входом в гробницу твою исполнят священный танец Муу²¹. Огласят для тебя список жертвоприношений. Заколют для тебя жертвы у погребальной стелы твоей. Поставят гробницу твою среди пирамид детей фараона, и колонны ее воздвигнут из белого камня. Не умрешь ты в чужой стране, не завернут тебя в баранью шкуру и не зароят как варвара за простой оградой. Довольно тебе топтать землю чужую! Подумай о погребении тела своего и возвращайся!»

Я стоял среди людей племени моего, когда повеление это достигло меня. Прочли мне его, и упал я на землю, простерся в прахе на животе своем и посыпал голову пылью.

Ликуя, ходил я по лагерю своему и говорил:

– Можно ли оказать большую милость слуге, которого сердце увлекло в страны варваров? Поистине безгранично

¹⁹ Таит – в древнеегипетской мифологии богиня ткачества. Она считалась также покровительницей облачения умерших.

²⁰ Свод небесный – балдахин над погребальными саями, на которых перевозились саркофаги, или внутренняя крышка саркофага с изображением богини Нут, символизирующей небо.

²¹ Танец Муу – ритуальная погребальная пляска.

милосердие фараона! Он спасает меня от гибели, ибо Ка²² его разрешило мне окончить жизнь при дворе.

Копия сообщения о том, что повеление фараона получено

«Синухет говорит:

Мир тебе, прекрасное божество, владыка обеих земель, любимый Ра, богом Солнца, покровительствуемый Монтом, богом Фив!

Превосходно, что ныне твое Ка осведомлено о бегстве слуги твоего, совершенном им по неведению. Да ниспошлют жизнь и силу дыханию ноздрей твоих Амон, владыка «Престола обеих земель»²³, Собек²⁴, Ра, Хатор, Атум и его Эннеада²⁵, Сопед, Нофербау, Семсеру, Гор Востока²⁶, царский

²² Ка – по верованиям древних египтян, незримый двойник, рождающийся вместе с человеком и охраняющий его после смерти в загробном мире. В данном случае – изысканно почтительное обращение к фараону.

²³ Амон – бог Фив, затем под именем Амон-Ра, когда культ его слился с культом солнечного бога Ра, почитался в Египте как царь богов. «Престол обеих земель» – главный храм Амона в Фивах; современное название – Карнакский храм.

²⁴ Собек – бог водной стихии; посвященное ему священное животное – крокодил.

²⁵ Атум – божество заходящего солнца, которому были посвящены лев и змея. Эннеада – девятка богов города Гелиополя: Ра-Атум, породивший бога воздуха Шу и его жену Тефнут, от которых произошел бог земли Геб и богиня неба Нут, и дети последних: Осирис и Исида, Сет и Нефтида.

²⁶ Сопед – бог восточной части дельты Нила. Нофербау, Семсеру и Гор Востока – его воплощения.

урей богини Уто²⁷, венчающий твою голову, сонм богов, владычествующих над водами, Мин-Гор, владыка пустынь и чужеземных стран, Урерт, владычица Пунта, Нут, богиня небес, Горуэр-Ра и все боги Египта и морских островов! Да осыплют они тебя дарами своими! Да пошлют они тебе жизнь бесконечную, без предела, вечную, без границ! И да распространится страх перед именем твоим по горам и долинам! Все, что есть под солнцем, покорно тебе.

Вот мольба слуги к повелителю своему, избавившему его от гибели на чужбине:

О владыка познания! Знаешь ты подданных твоих, слышишь ты из дворца своего даже то, что боится сказать твой слуга. Трудно, тяжело мне говорить об этом!

Но великий бог, подобие Ра, делает мудрым даже простолюдина, своими руками зарабатывающего свой хлеб. Жизнь слуги твоего в руках твоих. Твое величество, Гор покоряющий! Здесь, на чужбине, повинуюсь я повеленьям твоим, ибо простерта десница твоя над всеми странами.

Дабы увериться в этом, пусть прикажет его величество допустить к себе Меки, правителя Кедема, Хентиаушу, правителя Хенткеша, Менусу, правителя земли Фенех²⁸.

Это вожди с доброй славой; выросли они в любви к тебе,

²⁷ Царский урей богини Уто – Уто – богиня-покровительница города Буто, почиталась в образе змеи; ее золотое изображение, называвшееся «урей», фараоны носили на голове, оно должно было отвращать от фараона врагов.

²⁸ Синухет, очевидно, перечисляет сирийских правителей соседних с его владениями земель, готовых отдаться под покровительство фараона.

и даже их страны, не говоря уже о Ретену, преданы тебе, как собаки.

Что же до бегства слуги твоего, то не было оно предумышленным: не таил я в сердце такого желания и не скрывал я мысли такой. Я и сам не знаю, что заставило меня покинуть землю свою. А потом показалось мне, что все это – сон: я почувствовал себя словно житель Дельты, очутившийся вдруг в Элефантине²⁹, или человек из страны болот, оказавшийся вдруг в песках Нубии.

Не страх гнал меня: ведь никто меня не преследовал, никто меня не оскорблял, никто меня не обвинял, и глашатай, разыскивающий преступников, не выкрикивал имя мое. Но почему-то затрепетало мое тело и ноги сами понесли меня: сердце вело меня, бог, предопределивший бегство мое, увлекал меня на дорогу.

Но и в далеких землях не возгордился я и не поднял голову, ибо тот, кто знает страну свою, страшится силы твоей. Бог Солнца Ра сделал так, что страх перед тобой царит над землею Египта и над всеми чужеземными странами. И где бы я ни был, при твоём дворе или в этой чужой земле, один ты повелеваешь мною. Солнце восходит по желанию твоему; вода речная – пьют ее, когда ты захочешь; ветер небес – вдыхают его, когда ты дозволишь.

Слуга твой передаст другому свою должность правителя, которую исполнял он в этой земле. И да будет все по воле

²⁹ Элефантина – древнеегипетский Иеб, остров на Ниле на границе с Нубией.

твоей, ибо ты даруешь нам воздух, которым мы дышим. Да будет с тобою любовь Ра, Гора и Хатор! Да сохранят они дыхание ноздрей твоих, ибо угодно Монту, владыке Фив, чтобы жил ты вечно!»

После прихода ко мне, ничтожному слуге, гонцов фараона дозволили мне провести еще день в стране Иаа, дабы я мог передать своим детям мое достояние. И тогда поставил я во главе племени своего старшего сына; перешло к нему мое племя и все мое добро: все рабы, весь скот, все припасы и все плодовые деревья.

Затем отправился я на юг. Я достиг укрепления «Пути Гора» и здесь остановился. Начальник отряда, который стоял там во главе пограничной стражи, послал вестника ко двору фараона, чтобы сообщить обо мне.

И вот повелел его величество, дабы надежный управитель царских земледельцев отправился мне навстречу. Следом за ним прибыли груженные суда с подарками фараона для азиатов, которые пришли вместе со мной, чтобы проводить меня до «Путей Гора». Каждого из них я назвал по имени перед посланцем фараона.

А потом слуги принялись за свои дела: подняли парус, и мы отплыли. Всю дорогу для меня варили, мешали и процеживали пиво. И так плыли мы, пока не достигли города Итгу³⁰.

³⁰ Итгу – по-видимому, древнее написание Иттауи, резиденции первых фара-

На другое утро, едва озарилась земля, за мной пришли и позвали меня во дворец. Десять человек шло впереди меня и десять человек следовало за мной.

Между сфинксами у входа я склонился и коснулся челом земли. Дети фараона встретили меня у ворот приветствиями. Семеры, друзья фараона, проводили меня в колонный зал и указали дорогу в покои повелителя.

Я вошел и увидел его величество на троне в золотой нише. Простерся я перед ним на животе своем, услышал я, как божество обратилось ко мне с ласковыми словами приветия, – и потерял сознание. Словно сумерки окружили меня! Душа моя отлетела, тело мое ослабло, сердце мое вырвалось из груди, и я уже не отличал жизнь от смерти.

Тогда приказал его величество одному из семеров:

– Подними его! Пусть говорит со мной!

А затем сказал он мне:

– Ну вот и вернулся ты! Ты бежал из Египта и долго блуждал по чужеземным странам. А теперь настигла тебя старость и дряхлость одолела тебя. Вовремя вспомнил ты о своем погребении, – немалое это дело! Теперь не похоронят тебя варвары. Не поступай же во вред себе: отвечай, когда тебя спрашивают, говори, когда называют имя твое!

Но страшился я кары и ответил, как отвечает испуганный человек:

– Что говорит мой повелитель? О, если бы я мог ответить!

Но я не могу. Не по своей воле я бежал: десница бога гнала меня. И сейчас еще сердце в груди моей сжимает страх, подобный тому, что был причиной моего злосчастливого бегства. Вот я перед тобой, и жизнь моя принадлежит тебе. Да сбудется все, что прикажет твое величество по желанию своему!

Тогда приказал фараон привести к нему детей его. И сказал его величество своей царственной супруге:

– Смотри, вот Синухет! Он вернулся, похожий на азиата, словно он и был азиатом.

Громко вскрикнула супруга фараона, и дети фараона подхватили ее крик. И сказали они его величеству:

– Не он это, повелитель, воистину не он, господин наш!

Но промолвил тогда повелитель:

– Нет, воистину это он.

И вот принесли они ожерелья, трещотки и сistrы и протянули их фараону³¹. И возгласили они:

Простерты руки твои к Прекрасной³²,

О царь долговечный!

Да коснутся они украшений

Владычицы Неба.

³¹ Ожерелья (из ракушек, звучащих при встряхивании), трещотки, сistrы – музыкальные инструменты, атрибуты богини Хатор. По преданию, богиня позволяет коснуться их только избранным; и в данном случае дочери фараона, выступая перед ним с заранее подготовленным гимном-мольбой, протягивают ему атрибуты богини, воспроизводя этот священный обряд.

³² Здесь и далее приводятся различные эпитеты богини Хатор.

Да пошлет она, Золотая,
Жизнь ноздрям твоим,
Да сольешься ты воедино
С Владычицей Звезд.
Корона Египта Верхнего
Плывет на север,
Корона Египта Нижнего
Поднимается к югу
Сочетаются обе короны
По воле твоей,
Венчает божественный урей
Чело твое.
Защити же слуг твоих верных
От зла и напастей!
Да будет к тебе благосклонен
Ра, владыка обеих земель!
Слава тебе и жене твоей,
Владычице всего сущего!
Отложи свой разящий лук
И стрелы свои,
Дай дыхание тем,
Кто задыхается.
Пожалуй нам дар прекрасный,
Синухета, сына Мехит³³,
В Египте рожденного варвара,
Правителя бедуинов.

³³ Мехит – в древнеегипетской мифологии львиноголовая богиня города Тиса в Среднем Египте; в данном случае, возможно, имя матери Синухета. Древние египтяне часто вели свою родословную по материнской линии.

Покинул он землю свою,
Устрашившись тебя,
Но перед ликом твоим
Все забывают страх,
Никто не ведает ужаса,
Если увидит тебя.

И сказал тогда фараон:

– Пусть он не страшится и не опасается! Он будет семером среди других знатных страны моей, он останется при дворе. Отведите его в покои для избранных, в покои Восхваления, и укажите ему место его.

И вот вышел я из покоев фараона. Дети фараона подали мне руки, и мы направились к Большим воротам дворца.

Поселили меня в доме сына фараона, полном прекрасных вещей. Были там прохладные покои с изображениями всех богов на стенах. Хранились там драгоценности из сокровищницы фараона. В каждой комнате были одеяния тончайшего полотна, благовонная мирра и ароматические масла фараона и любимых его придворных. Множество слуг жило там, и каждый был занят своим делом.

Здесь сделано было все, чтобы сбросил я тяжесть лет: остригли меня и причесали, паразитов с тела моего изгнали назад в пески, а варварские одежды вернули кочевникам пустыни. Облаченный в лучшие льняные ткани, умащенный лучшим благовонным маслом, отдыхал я на ложе, оставив пустыни тем, кто живет среди них, а деревянное масло тем,

кто им умащается.

Затем предоставили мне отдельный дом с садом, принадлежавший прежде семеру. Множество рабочих перестраивало его; все деревья в саду они посадили вновь.

Приносили мне еду из дворца трижды и четырежды в день сверх того, что давали мне дети фараона беспрестанно.

И построили мне гробницу из камня среди других гробниц. Начальник каменотесов разметил землю и воздвиг гробницу. Начальник художников расписал ее изнутри. Начальник скульпторов высек в ней изображения. Начальник служителей некрополя позаботился о ней: приготовили мне все, что нужно для погребения. Назначили мне заупокойных жрецов. Отвели мне погребальный надел при гробнице с полями перед ней: так делают лишь для первых семеров, друзей фараона. Покрыли мою погребальную статую позолотой, а передник ее изготовили из светлого золота. Сделали так по велению его величества. Ни один простой человек не удостоивался еще подобной милости!

И так жил я, пользуясь благосклонностью фараона, до самого дня моей смерти.

Здесь завершается повесть от ее начала и до конца, согласно тому, как было записано в книгах.

Красноречивый крестьянин

Жил некогда в Соляном оазисе³⁴ человек по имени Хунануну. Была у него жена, и звали ее Мерие. И вот однажды сказал Хунануну своей жене:

– Слушай! Я хочу съездить в Египет³⁵ за едой для наших детей. Сходи-ка ты в амбар и взгляни, много ли осталось еще ячменя от прошлого урожая.

Жена смерила ячмень, и получилось у нее восемь мер.

Тогда крестьянин сказал жене:

– Оставь две меры ячменя на пропитание себе и нашим детям, а из шести мер напеки лепешек и навари мне пива на все дни пути.

Затем крестьянин погрузил на своих ослов редемет, натр соли, дерево из оазиса Фарафра³⁶, шкуры пантер и волков, растения неша, тену, хепер-ур, сахут, саксут, мисут, ибса и инби, камни ану сенет и абу, голубей, птиц нару и птиц учес, растения убен, тебсу, ген-генет и «волосы земли», а также

³⁴ Соляной оазис – древнеегипетский Сахет-Хемат, современный Вади-На-трон, – оазис в Ливийской пустыне к западу от Нила. Примыкал к третьему ному Нижнего Египта.

³⁵ Крестьянин имеет в виду собственно Египет, расположенный вдоль берегов Нила и его рукавов.

³⁶ Оазис Фарафра – древнеегипетский Та-их, расположен в Ливийской пустыне к западу от дельты Нила.

растение инсет и другие превосходнейшие вещи³⁷ из Соляного оазиса. Погрузив все это на ослов, отправился крестьянин в Египет.

Он двинулся на юг, к Нен-несу³⁸ и достиг земли Перфефн, что к северу от Мединет. Здесь на берегу реки повстречался ему человек по имени Джхути-Нахт, сын некоего Иери. Он был слугой главного управителя Ренси, сына Меру. Увидел Джхути-Нахт ослов крестьянина, понравились они ему и сказал он себе:

– Будь у меня сейчас какой-нибудь могущественный идол, я бы тогда захватил все добро этого мужика из оазиса!

А надо сказать, что дом Джхути-Нахта стоял на самой дороге, проходившей вдоль берега. И дорога та была очень узкой, не шире куска полотна. С одной стороны ее была река, с другой ячменное поле. И вот Джхути-Нахт приказал своему слуге:

– Ступай и принеси мне из дома кусок полотна.

Слуга тотчас же принес полотно. Тогда Джхути-Нахт разостлал его на прибрежной дороге так, что нижний край полотнища очутился в воде, а верхний – на ячменном поле.

И когда крестьянин пошел по дороге, по которой проходили все люди, Джхути-Нахт закричал ему:

– Смотри, мужик! Не вздумай наступить на мое полотно!

³⁷ Здесь перечисляется к западу от дельты Нила.

³⁸ Нен-несу – Гераклеополь, главный город XX нома Верхнего Египта. Резиденция царей IX и X династий.

На это крестьянин ответил ему:

– Я не сделаю этого. Ведь я иду по проезжей дороге!

Крестьянин подался к высокому краю дороги, но тут Джхути-Нахт снова закричал:

– Эй, мужик! Уж не хочешь ли ты потоптать мой ячмень?

Ответил ему крестьянин:

– Ты захватил своим ячменем часть дороги, а теперь и вообще загородил ее своим полотном. Ты хочешь помешать мне здесь пройти?

И как раз в это время один из ослов крестьянина схватил пучок ячменя и принялся его жевать.

Тогда сказал Джхути-Нахт:

– Ах, так! За это я возьму твоего осла, мужик, потому что он жует мой ячмень. Он пойдет мне в уплату за потраву.

На это ответил ему крестьянин:

– Я иду по проезжей дороге. С той стороны я пройти не мог, а потому прошел по этому краю. Ты хочешь отнять у меня осла лишь за то, что он схватил пучок ячменя. Но я знаю, кто хозяин этой земли: она принадлежит главному управителю Ренси, сыну Меру. Он карает всех воров в Египте. Неужели ты думаешь, что он допустит, чтобы меня ограбили на его земле?

Тогда Джхути-Нахт сказал:

– Видно, правду говорят люди в пословице: имя бедняка вспоминают только из-за его хозяина. Я тут стою и говорю с тобой, а ты, мужик, думаешь о главном управителе?

И вот Джхути-Нахт взял только что срезанную тамарисковую палку и так отделал крестьянина, что у того не осталось живого места. Потом он захватил всех его ослов и увел их в свои владения.

Громко возопил крестьянин, жалуясь на свою обиду. Однако Джхути-Нахт сказал ему:

– Эй, мужик, лучше не возвышай голоса, если не хочешь отправиться к Владыке Молчания³⁹.

На это ответил крестьянин;

– Ты меня избил, ты отнял мое добро, а теперь затыкаешь мне рот и запрещаешь мне даже жаловаться! Пусть же Владыка Молчания вернет мне то, что было моим, и тогда я перестану кричать и смущать твой покой.

И крестьянин еще десять полных дней стонал и умолял Джхути-Нахта, однако тот не обращал на него внимания. Тогда крестьянин отправился на юг к Нен-несу, чтобы обратиться с мольбой к самому главному управителю Ренси, сыну Меру. Он пришел к Ренси, когда тот выходил из ворот своего дома и спускался к своей барке. Обратился к нему крестьянин и сказал:

– Да узнает сердце твое о моем деле! Прикажи своему доверенному слуге выслушать меня, и я расскажу ему все, как было, чтобы он передал это тебе.

Тогда главный управитель Ренси, сын Меру, отправил к

³⁹ Владыка Молчания – в данном случае один из эпитетов Осириса, владыки царства мертвых.

крестьянину своего доверенного слугу, чтобы тот выслушал крестьянина, а потом пересказал ему все, что скажет крестьянин. Когда главный управитель Ренси, сын Меру, узнал подробности этого дела, он обратился к своим приближенным и поведал им все о Джхути-Нахте.

На это сказали ему приближенные:

Наверное, речь идет о каком-нибудь жителе оазиса, который должен был привезти свои товары Джхути-Нахту, но пытался отдать их другому. А с этими выходцами из оазисов обычно так и поступают, когда они пытаются продать свои товары другим. Стоит ли наказывать Джхути-Нахта из-за какого-то натра соли? Лучше приказывать ему, чтобы он возместил отнятое, и он все возместит.

Но главный управитель Ренси, сын Меру, не сказал ни слова; он не ответил ни своим знатным приближенным, ни крестьянину.

Первая жалоба

Тогда крестьянин обратился с мольбой к главному управителю Ренси, сыну Меру. И сказал он ему:

– О главный управитель, господин мой, великий из великих, наставник людей во всех делах в настоящем и в будущем.

Когда ты плывешь по озеру справедливости при благоприятном ветре, ничто не сорвет твои паруса, ничто не замедлит

ход твоей барки, ничто не сломает ее мачту, ничто не повредит ее реи. Ты не пойдешь ко дну, наткнувшись на камни у берега, и поток не увлечет тебя. Да не испытаешь ты коварства реки! Да не увидишь ты лиц, искаженных ужасом! Самые свирепые рыбы сами придут в твою сеть, и самые жирные птицы сами попадут к тебе в руки. Ибо ты отец сироте, муж вдове, брат разведенной женщине, нянька младенцу, лишенному матери. Дозволь же мне прославить тебя в этой стране и вознести тебя даже выше наивысшего закона, о владыка, не знающий алчности, великий, незнакомый с низостью! Уничтожь неправду, чтобы торжествовала истина! Прислушайся к голосу, зывающему к тебе, и низвергни зло! Услышь мои слова! Будь справедлив, о восхваляющий достойных похвалы! Избавь меня от напасти, ибо я изнемогаю от обид, я теряю силы от горя. Приди ко мне на помощь, ибо я в отчаянии!

Так взывал крестьянин из оазиса.

Было это во времена правления фараона Небкаура⁴⁰, чей голос правдив. И вот главный управитель Ренси, сын Меру, отправился к его величеству и сказал:

– Господин мой, я отыскал одного жителя оазиса, поистине красноречивого. Один из моих слуг отнял у этого крестьянина его добро, и он явился ко мне с жалобой.

На это ответил ему фараон:

⁴⁰ Фараон Небкаура – речь идет о последнем фараоне X гераклеополитанской династии: Небкаура Хети III (ок. 2080–2060 гг. до н. э.).

– Если ты желаешь видеть меня здравствующим, доставь этого крестьянина сюда и затяни дело. Не отвечай ему, что бы он ни говорил. Пусть говорит он сам, а ты молчи. И пусть все его слова запишут, чтобы мы сами могли их услышать. Только не забудь позаботиться о его жене и детях, ибо эти жители оазисов спускаются в Египет лишь тогда, когда у них в доме ничего не остается. Позаботься также и о нем самом. Прикажи снабжать его пищей, но так, чтобы он не знал, что эту пищу даешь ему ты.

И вот крестьянину стали давать по десять хлебов и по две кружки пива в день. Но главный управитель Ренси, сын Меру, сначала посылал все это одному из своих друзей, чтобы уже тот вручал эту пищу крестьянину. В то же время главный управитель Ренси, сын Меру, отправил доверенного слугу к правителю Соляного оазиса с приказом снабжать пищей жену и детей крестьянина из расчета трех мер ячменя в день.

Вторая жалоба

И вот явился крестьянин к главному управителю Ренси, сыну Меру, во второй раз и обратился к нему с мольбой. Сказал он:

– О главный управитель, господин мой, величайший среди великих, богатейший среди богатых! Ты больше всех великих и богаче всех богачей. Ты – небесное кормило, ось земли, нить, удерживающая свинцовую гирию! Будь же таким

кормилом, которое не отклоняется, такой осью, которая не сгибается, такой нитью, которая не рвется. Разве станет истинно знатный человек захватывать то, что ему не принадлежит, разве станет он грабить беззащитного? Ведь в его доме есть все. А много ли нужно человеку? Кружка пива и три хлеба. Неужели твоим слугам нужно больше? Ведь смертный, как бы он ни был богат, умрет точно так же, как и те, кто ему подчинен. И ты не бессмертен! Что может быть хуже неверных весов, фальшивой гири свинцовой или справедливого и честного человека, сделавшегося обманщиком? Взгляни! Справедливость, изгнанная из своего дома, влачится в прахе у ног твоих. Большие чиновники творят зло, правота попрана, и сами судьи воруют. Те, кто должен хватать злоумышленников, сами сбиваются с пути праведного. Те, кому предназначено поддерживать в других дыхание жизни, сами повергнуты в прах бездыханными. Те, кто должен приносить прохладу, душат людей жарой. Те, кто должен творить правосудие, сами становятся ворами. Те, кто обязан предотвращать нужду, сами делают так, что город задыхается в ее тисках. Те, кто должен бороться со злом, сами совершают злодеяние.

На это сказал ему главный управитель Ренси, сын Меру:

– Неужели твое добро так тебе дорого, что ты даже не боишься гнева моих слуг?

Но крестьянин продолжал жаловаться:

– Тот, кому доверено измерять зерно, обманывает других

ради своей корысти. Тот, кому поручено наполнять амбары ближнего, обкрадывает его. Тот, кто должен наставлять других на путь истинный, на путь закона, толкает их на кражу. Кто же будет предотвращать злодеяния, если тот, кто обязан бороться с пороками, сам им подвержен?

Одни с виду справедливы и прямы, а на самом деле пути их извилисты и темны. А другие и вовсе открыто предаются злу. Разве я говорю неправду? Подумай о том, что покарать зло можно быстро, а если ему попустительствовать, оно остается надолго, – лишь добрые дела не забываются никогда. Истинно сказано в поучении: «Поступай с человеком так, как он сам поступает с другими». Благодарю одного за его дела, избегай удара другого, чтобы он не ударил, отдавай вовремя приказ управляющему работами, прежде чем он их завершит. Ибо один миг может повлечь непоправимое: уничтожить твои виноградники, опустошить твои амбары, оставить без рыбы твои садки. И тогда зрячий превратится в слепца, человек, наделенный слухом, станет глухим, а тот, кто вел других, сам потеряет дорогу. Но ты гавань несокрушимая. Твоя длань могуча, твое сердце непреклонно. Только милосердие обошло тебя стороной. Несчастен несчастный, которого ты поверг в прах! Ты подобен неумолимому посланцу бога-крокодила⁴¹. Ты страшнее чумы. Перед тобой, как и перед чумой, все бессильно, а того, что не сделаешь

⁴¹ Бог-крокодил – имеется в виду бог Собек, почитавшийся в облике крокодила.

ты, не сможет сделать и она.

Тот, у кого всего в достатке, может иной раз быть и снисходительным. Лишь злодей всегда безжалостен. Красть чужое добро или грабить привычно злодею, но для того, кто живет, ни в чем не нуждаясь, это – преступление.

Стоит ли, однако, так ненавидеть воров? Ведь они заботятся лишь о своем пропитании! А ты – наоборот! У тебя все есть: хлеб, чтобы утолить голод, и пиво, чтобы напиться. Всего у тебя в достатке! Но лик кормчего обращен к небу, и барка твоя рыскает, как ей хочется. Фараон не выходит на палубу, кормило в твоих руках, и ты сеешь зло вокруг себя. Тягостна доля просителя, трудно ему перебороть зло! Все вопрошают: «Что нужно здесь этому человеку?» Будь же местом убежища для просящего, да будет спокойна гавань твоя и да не опустошают воды ее крокодилы. Да будет правдив твой язык: иначе может он погубить человека. Не произноси лжи! Не доверяйся высшим чиновникам: корзины с фруктами достаточно, чтобы подкупить любого судью. Ложь для них – привычная жвачка: она уже не смущает их сердце.

Ты самый знающий среди людей. Неужели ты не вникнешь в мое дело? Взгляни на меня, утоляющий жажду страждущих! Лодка моя идет ко дну. О выводящий на берег тонущего, спасающий потерпевшего кораблекрушение, взгляни на меня и спаси меня!..

Третья жалоба

И в третий раз явился крестьянин к Ренси, сыну Меру, и обратился к нему с мольбой. И сказал он:

– Главный управитель, господин мой, ты божественный Ра! Со своими приближенными ты владыка небес. Подобно житнетворному разливу, ты даешь жизнь всем людям. Ты – сам Нил, который заставляет зеленеть луга и даже истощенные поля делает вновь плодородными.

Покарай же вора и защити несчастного! Не обрушивайся наводнением на просящего. Подумай о вечности, которая тебя ожидает. И если желаешь жить долго, следуй пословице: «Дыхание жизни – в справедливости!» Покарай того, кого следует покарать, и никто не упрекнет тебя в криводушии. Неужто весы колеблются в твоей руке? Неужто они склонятся в другую сторону? И неужели бог Тот⁴² это потерпит? Если это так, тогда ты действительно вправе творить зло и быть подобным Тоту и этим неверным весам.

Но не воздавай за добро злом. Не подменяй одного другим. Жалобы мои разрастаются быстрее, чем ветви сенмита⁴³, и, может быть, дух от них резче, чем от сенмита, и не нравится тебе. Если не хочешь, не отвечай на них. Но помни,

⁴² Тот – по верованиям древних египтян, бог мудрости и письма, а также писец на загробном судилище богов.

⁴³ Сенмит – растение с неприятным запахом.

что тогда орошенное тобою зло покроет землю сплошными зарослями. А это трижды печальнее.

Если ты будешь держать руль по ветру, течение само увлечет тебя к правосудию. Но бойся, как бы тебе не приплыть совсем не к той гавани, к которой ты правишь. Помни: спокойствие страны – в справедливости!

Не произноси лжи – ведь ты так велик! Не будь легкомыслен – ведь ты стоишь у кормила власти. Не лги – ведь ты подобен весам. Не теряй достоинства – ведь ты сама честность. Ты сам – весы непогрешимые: если ты заколеблешься, заколеблются и чаши весов. Крепко держи веревки кормила, чтобы руль не рыскал. Не бери взяток, когда караешь взяточника, ибо истинно великий не может быть жадным. Твой язык – свинцовая нить весов, твое сердце – точная гиря, твои губы – коромысла весов. И если ты отвратишь свой лик от просящего, кто же встанет преградой на пути преступления?

Ты подобен презренному жадному прачке⁴⁴, который другу своему предпочитает заказчика: кто приходит к нему с большим заказом, тот ему и брат.

Ты подобен перевозчику, который не переправит через реку того, кто не может ему заплатить. Ты подобен праведнику, чья справедливость испарилась без следа. Ты словно хранитель амбаров, оставляющий голодным пришельца из далеких краев. Среди людей ты живешь как сокол, пожирающий слабейших птиц.

⁴⁴ Прачками в Древнем Египте были мужчины.

Ты подобен повару, который радуется всем сердцем, убивая беззащитных животных: ведь за это никто его не упрекнет! Стада твои неисчислимы. Разве ты ощутишь потерю одной овцы, которую в местах, удаленных от всякого жилья, сожрал ненасытный крокодил?

Ты должен слышать все, и ничего не слышишь. Но почему ты не слышишь? В тот раз я ускользнул из рук убийцы. Но что об этом думаешь ты? Ведь истина рано или поздно все равно выйдет на свет, и ложь будет повержена в прах. Не рассчитывай на завтрашний день, пока он не наступил. Ибо никто не знает, какие беды этот день принесет...

Так говорил крестьянин, стоя у входа в управление и обращаясь к главному управителю Ренси, сыну Меру. Выслушав его, возмутился главный управитель, набросился на крестьянина с двумя пучками розог и так отделал его, что на нем не осталось живого места.

Тогда воскликнул крестьянин:

– Так-то поступает со мной сын Меру! Он встал на несправедный путь! Глаза его ослепли – он уже не видит того, на что смотрит; уши его оглохли – он уже не внимает тому, что ему говорят. Ты подобен городу без правителя, армии без военачальника, банде без вожака. Ты подобен сторожу, который сам крадет, ты подобен правителю, который берет взятки, ты подобен начальнику округа, которому поручили изловить бандитов и который сам стал примером для всех злоумышленников.

Четвертая жалоба

И вот явился крестьянин в четвертый раз, дабы обратиться с мольбой. Он встретил главного управителя, когда тот выходил из храма Арсафеса⁴⁵. И сказал ему крестьянин:

– Будь благословен Арсафесом восхваляющий бога Арсафеса и выходящий из храма его! Справедливость погибла, и нет уже никого, кто бы мог сказать: «Вот я поверг несправедливость в прах!» Паром вытасчен на берег – как теперь переправиться через реку? А переправиться нужно, хочешь ты или нет. Однако не пойдешь же через реку, надев сандалии, как посуху! Разве так делается? Нет. Теперь уже никто не будет спать спокойно, никто не решится выйти ночью, никто не пойдет по дорогам днем, ибо человеку запрещено защищать свои исконные права.

Смотри сам. Теперь любой тебе может просто сказать: «Милосердие ушло от тебя. Горе несчастному, которого ты преследуешь!» Ибо ты подобен охотнику, которого радует лишь его жестокая страсть: он мечет гарпуны в бегемотов, пронзает диких быков, бьет рыб, ловит в сети птиц. Как ни скор человек на слово, он порою слишком торопится. Как ни быстро откликается на все его сердце, ему не поспеть за его страстями. Будь милосерден и старайся познать истину!

⁴⁵ Арсафес – бог города Нес-несу, резиденции фараона. Арсафес изображался в образе человека с головой барана.

Владей собой, чтобы ты мог удовлетворить даже того, кто приходит к тебе с молчаливой мольбой. Вспыльчивый никогда не познает истину. Буйный, скорый на руку никогда не будет желанным господином. Хорошо, если глаза твои еще видят истину. Не твори же произвола, пользуясь своим могуществом, дабы несчастье не постигло тебя самого! Если ты не исправишь зло, оно удвоится. Вкус пищи знает лишь тот, кто ест; ответить может лишь тот, кого спрашивают, сны видит лишь тот, кто спит, а для злодея наилучшим примером служит судья, сам достойный суда. Смотри, безумец, ты попался в ловушку! Смотри, невежда, к тебе обратились, и теперь ты должен ответить. Смотри, к тебе пришли, и тебе уже некуда деться! Кормщик, не давай кораблю плыть по воле волн! Податель жизни, не допусти, чтобы люди умирали! Разрушитель зла, не дай мне погибнуть! Тень прохладная, не жги меня лучами, как солнце! Священное место убежища, не допусти, чтобы крокодил схватил того, кто ищет защиты.

В четвертый раз я обращаюсь к тебе с мольбой. Неужели я должен взывать к тебе без конца!

Пятая жалоба

И вот пришел крестьянин в пятый раз к управителю Ренси, сыну Меру, и обратился к нему с новой мольбой. И сказал он:

– О главный управитель, господин мой! Одни рыбаки ло-

вят рыбу иу, другие бьют рыб ин, третьи пронзают трезубцами рыб нубеб, четвертые ловят всяких рыб, пятые опустошают реки сетями. Так вот ты подобен им всем.

Не отнимай у бедняка его добро. Ведь ты знаешь меня, беззащитного! Для несчастного бедняка его достояние все равно что дыхание жизни: отними его – и он задохнется. Ты поставлен над нами, чтобы разбирать дела, судить правых и виноватых и карать разбойников. А ты только тем и занимаешься, что покрываешь воров. Тебе доверяются, а ты изменяешь своему долгу. Ты поставлен над нами, чтобы защищать бедняков подобно плотине. Смотри, как бы несчастный не потонул, ибо ты для него стал потоком свирепого наводнения.

Шестая жалоба

И вот явился крестьянин в шестой раз к управителю Ренси и обратился к нему с мольбой. И сказал он:

– О главный управитель, господин мой! Всякое беспристрастно решенное дело лишает ложь силы, утверждает истину, создает добро и уничтожает зло подобно пище, которая уничтожает голод, подобно одежде, которая прикрывает наготу, подобно тому, как небо после свирепой грозы проясняется и солнце согревает всех замерзавших, подобно огню, который жарит то, что было сырым, подобно воде, которая утоляет жажду.

Взгляни: тот, кто поставлен судьей, сам стал вором! Тот, кто должен утешать других, сам приносит им горе. Тот, кто должен уничтожать все трудности, сам их создает. Но мошенничество несовместимо с правосудием. Лишь когда все меряешь правильной мерой, правосудие торжествует. Преувеличения и излишества к добру не ведут. Если ты можешь сделать добро своему ближнему делай это сразу. Если же будешь молчать и слишком долго глотать слова, даже истина может устареть и оказаться некстати.

Горе понуждает меня покинуть тебя, сказанное мною заставляет уйти. Ведь я не знаю, что у тебя теперь на сердце! Не медли же! Сделай хоть что-нибудь, ответь хоть как-нибудь на мою жалобу! Если ты расторгаешь узы, то кто же их свяжет? Багор у тебя в руке подобен шесту, которым направляют барку, когда можно достать дно. Но если ты захочешь направить барку в порт против течения, она опрокинется, и груз ее будет рассеян по всем берегам Египта. Ты просвещен, ты мудр, ты совершенен, но только не в воровстве! Зачем же ты пытаешься подражать ворам? Все дела твои от этого идут прахом. Похоже, что самый отъявленный пройдоха во всей стране старается выдать себя за праведника. Ибо лишь тот, кто взращивает зло, проливает свое поле подлостью, чтобы превратить его в поле лжи и вырастить на нем все самое худшее, что только есть на земле.

Седьмая жалоба

И вот явился крестьянин в седьмой раз к управителю Ренси и обратился к нему с мольбой. И сказал он:

– О главный управитель, господин мой! Ты кормило всей страны: вся страна повинуется твоим повелениям. Ты двойник бога Тота, который судит нелицеприятно. О господин мой, будь милостив, когда взывает к тебе человек, дабы ты защитил его в правом деле. Не упорствуй в своем заблуждении – это тебе не к лицу! Кто видит слишком далеко, не спокоен сердцем. Не печалься же ни о чем заранее и не радуйся тому, чего еще нет. Чтобы сохранить друзей, нужно прощать. Не обращай внимания на то, что было. Разве ты знаешь, что на сердце у другого сейчас? Кто нарушает закон и не дает хода правосудию, тот убивает бедняков: никто из них не переживет подобного насилия. Где же твоя справедливость? Вот и меня переполнила боль, а в сердце моем – обида. Подобно бреши в плотине открылся мой рот, и я заговорил, и боль моя излилась из меня, ибо я не мог больше терпеть. С багром в руках я вывел барку обиды моей из гавани, я вычерпал захлестывавшую ее воду, я избавился от боли, переполнявшей мое тело, я смыл грязь со своих одежд. Больше я говорить не буду: я излил перед тобой все свое горе. Что же тебе еще надобно?

Твое легкомыслие тебя погубит, твое корыстолюбие не до-

ведет тебя до добра, твоя ненасытная алчность сделает всех твоими врагами. Где найдешь ты второго такого жителя оазиса, подобного мне? Но ты глух ко всему. Разве будет еще какой-нибудь проситель стоять столько времени у твоего порога, как стою я? Ты не сделаешь косноязычного красно-речивым, не разбудишь спящего, не превратишь лентяя в прилежного, не отвергнешь уста того, кто молчит, не сделаешь мудрецом невежду, не заставишь поумнеть дурака. А ведь высшие чиновники должны бы были ненавидеть зло и быть подателями добра. Подобно умелым ремесленникам, они должны уметь делать все, даже приставлять на место отрубленные головы!

Восьмая жалоба

И вот крестьянин пришел в восьмой раз к правителю Ренси и обратился к нему с мольбой. И сказал он:

– Главный управитель, господин мой! Жадность бездонна – в эту пропасть можно падать бесконечно. Но корыстный часто не знает, чего он хочет, и единственное, что его ждет, – это конечная неудача. Ты корыстен, и это тебе не к лицу. Ты крадешь, но не будет тебе от этого пользы. Ибо твой долг – поддерживать того, кто защищает свои права и требует справедливости. Все, что нужно тебе, есть в твоём доме. Голода ты не испытываешь, сосуды твои полны зерна, и жаль будет, если они покачнутся: то, что просыпется, будет потеряно для

страны.

Высшие чиновники поставлены, чтобы бороться со злом. Но кто они сами? Грабители, воры и насильники. Высшие чиновники должны быть убежищем для обиженных, а они стали притоном для злоумышленников.

Без страха перед тобой я взываю к тебе. Если ты думаешь по-другому, ты не знаешь моего сердца. Сердце мое, сердце скромного человека, переворачивается, когда я тебя упрекаю. Но оно не дрожит, когда я взываю к тебе и говорю тебе горькую правду. Подобного мне просителя ты нескоро найдешь!

У тебя есть поля, дома твои приносят тебе доход, склады твои полны пищи. Высшие чиновники делают тебе подношения, и ты их берешь. Для чего? Неужели ты вор? Ведь тебе несут вещи даже тогда, когда ты со своими солдатами направляешься в поля, чтобы определить их границы.

Твори правосудие бескорыстно, твори его во имя Владыки правосудия, чье правосудие единственно истинное. Воплощение спокойствия, свиток папируса, совершенный прибор для письма бога Тота, – остерегайся зла! Добро хорошо тогда, когда это истинное добро. Справедливость же всегда бессмертна: она нисходит в могилу вместе с тем, кто был справедлив. Его кладут в гробницу, и земля закрывается над ним, но имя его не сотрется в памяти людской: его будут помнить ради совершенных им добрых дел. Ибо так сказано самим богом. А в его руках весы не колеблются, коромысло

их не дрожит и не склоняется произвольно в какую-нибудь сторону.

Пришел к тебе я или кто-нибудь другой – любого прими хорошо. И что бы тебе ни сказали, ни с кем не говори так, словно он не имеет права с тобой разговаривать. Не нападай на человека, если он на тебя не нападает. Ты не милосерден, ты не знаешь снисхождения. Ты не уклоняешься от ответа, но в то же время ты не борешься со злом. И ты ничем не вознаградил меня за мою превосходную речь: а моими устами говорит сам бог Ра. Пусть же будут слова твои правосудием и дела твои правосудием, ибо правосудие велико, могуче и бесконечно: того, кто к нему приобщился, при жизни одаривает фараон, а после смерти уподобляют блаженным.

Если весы неверны и чаши их колеблются, невозможно узнать истинный вес. Кривыми путями не добраться барке до гавани. Лишь тот, кто честен и добр, благополучно достигнет берега.

Девятая жалоба

И вот явился крестьянин в девятый раз к управителю Ренси и обратился к нему с мольбой. И сказал он:

– О главный управитель, господин мой! Ты – уста людей, ты их совесть, их непогрешимые весы, отмечающие малейшие недостатки. Покарай того, кто достоин кары, и никто не упрекнет тебя в корыстолюбии или во лжи. Истина сама

придет к тебе.

Ложь кормится истиной, на ней она расцветает, но жизнь ее недолга. Едва ложь пускается в путь, как тут же теряет дорогу. Ей не переправиться через реку на пароме и не добраться до цели.

Тот, кто копит богатства лишь для себя, остается бездетным: никто не унаследует ему на земле, никто не вступит вместе с ним на борт корабля, а если и вступит, то все равно не доберется до конечной гавани.

Рука твоя и так нелегка, да не станет она еще тяжелее! Не медли, ибо ты и без того не быстр!

Не будь пристрастным и не слушайся прихотей сердца своего! Не отвращай свой лик от того, кто перед тобою. Не закрывай глаза на того, на кого ты уже взглянул. Не отталкивай того, кто пришел к тебе с мольбой. Отбрось колебания, которые мешают тебе произнести приговор. Сделай что-нибудь для того, кто ради тебя сделает все! Не прислушивайся к словам других, когда к тебе взывает человек, умоляя тебя защищать его в правом деле. Ибо нет приятного прошлого для немилостивого, нет друзей у того, кто глух к справедливости, нет праздничного дня для корыстолюбца.

О, как несчастен приходящий с жалобой! Удел несчастного – быть просителем. Удел обидчика – стать убийцей несчастного. Смотри, я взываю к тебе, я жалуясь тебе, а ты меня даже не слушаешь! Я уйду от тебя и обращусь с жало-

бой на тебя к богу Анубису⁴⁶, последнему покровителю!

Так сказал крестьянин и удалился.

Но тут главный управитель Ренси, сын Меру, послал вслед за крестьянином двух стражников, чтобы его вернули. Испугался крестьянин, ибо подумал, что его хотят наказать за дерзкие речи, которые он говорил. И воскликнул крестьянин:

– Вода освежающая – для жаждущего, сосцы, полные молока, – для младенца, – вот что такое смерть для того, кто ее так долго ждал и к кому она, хоть и с запозданием, наконец пришла.

Но главный управитель Ренси, сын Меру, сказал ему:

– Не бойся, мужик! Я так поступал с тобой лишь для того, чтобы удержать тебя при себе.

На это крестьянин возразил ему:

– Клянусь жизнью, неужели я должен до конца своих дней есть твой хлеб и пить твое пиво?

И ответил ему главный управитель Ренси, сын Меру:

– Подожди здесь еще немного хотя бы для того, чтобы услышать ответ на свои жалобы.

И он приказал прочесть все жалобы крестьянина, как они были записаны на свитке нового папируса. Затем главный управитель Ренси, сын Меру, переслал этот свиток его величеству фараону Небкаура, чей голос правдив. Понравились

⁴⁶ Анубис – первоначально бог Абидосского нома, затем один из богов царства мертвых, покровитель бальзамирования и погребальных обрядов.

сердцу фараона речи крестьянина больше всего другого на земле Египта, и повелел он:

– Реши это дело сам, о сын Меру!

И тогда главный управитель Ренси, сын Меру, послал двух стражников за Джхути-Нахтом. Привели стражники Джхути-Нахта, и писцы составили опись его имущества и его слуг. А было у него шесть рабов, не считая запасов пищи, ячменя из Верхнего Египта, ржи, ослов, коров и быков, свиней и прочего мелкого скота. И отдали Джхути-Нахта как раба крестьянину вместе со всем его добром.

Здесь завершается книга от ее начала и до конца согласно тому, как это было записано.

Фараон Хуфу и чародеи

Владыка Египта, любимый богом Ра фараон Хуфу⁴⁷ заскучал. Бродил он по залам дворца своего, искал, чем бы развлечься, но ничего не нашел. И тогда повелел он призвать к себе сыновей своих. Пришли они, и сказал им Хуфу:

– Сегодня искал я, чем бы развлечься, но ничего не нашел. Пусть каждый расскажет историю о деяниях чародеев, которым открыто тайное! Расскажите мне о чудесном, случившемся в старину! Для этого я вас призвал.

И вот начали сыновья фараона рассказывать о деяниях чародеев. И дошла очередь до Хауфра⁴⁸, сына Хуфу.

Волшебство Уба-Онера

Встал тогда Хауфра, сын фараона, чтобы начать свою речь. И сказал он:

– Я поведаю твоему величеству о чуде, случившемся во времена правления предка твоего Небка⁴⁹, чей голос прав-

⁴⁷ Хуфу (греческая версия – Хеопс) – второй фараон IV династии, строитель Великой пирамиды, правивший около 2900 г. до н. э.

⁴⁸ Хауфра (греческая версия – Хефрен) – сын и преемник Хуфу. Ему принадлежит вторая по величине пирамида.

⁴⁹ Небка – тронное имя фараона Санахта, преемника фараона Джосера, основателя III династии (около 3000 г. до н. э.).

див, когда он направился в храм бога Птаха, владыки Анхтауи⁵⁰.

Однажды собрался его величество Небка, чей голос правдив, посетить храм Птаха в Анхтауи. Остановился он в отдалении от храма и велел призвать к себе Уба-Онера, верховного жреца-заклинателя храма Птаха.

Когда явились гонцы фараона к Уба-Онеру, жена Уба-Онера заметила среди слуг, что пришли вместе с ними, молодого простолюдина. И обратилось сердце жены Уба-Онера к тому простолюдину. Она послала к нему служанку свою и велела сказать: «Приходи, мы проведем вместе час. Облечись в праздничные одежды, которые я тебе посылаю!»

Отправилась служанка к простолюдину, доставила ему сундук с богатыми одеяниями и передала, что было приказано.

Прошло немного дней, и простолюдин явился к жене Уба-Онера. Увидел он по дороге пруд, а на берегу – беседку. И сказал простолюдин жене Уба-Онера:

– На берегу пруда Уба-Онера есть беседка. Если хочешь, проведем время в этой беседке.

Тогда послала жена Уба-Онера за служителем, надзиравшим за прудом, и приказала ему:

– Вели приготовить беседку около пруда! Я приду туда

⁵⁰ Птах – в древнеегипетской мифологии бог города Мемфиса, покровитель художников и ремесленников, изображаемый в виде мумии. Анхтауи – окраина Мемфиса, район современного Саккара.

отдохнуть.

И вот когда все было приготовлено, жена Уба-Онера отправилась в беседку около пруда и провела там время, пируя с простолюдином.

На закате солнца спустился простолюдин к пруду, чтобы омыться, и служанка принесла ему новые одежды.

Увидел это служитель, надзиравший за прудом. Посмотрел он и догадался о том, что было между простолюдином и женой Уба-Онера.

На другой день, едва озарилась земля, отправился служитель, надзиравший за прудом, к верховному жрецу-заклинателю Уба-Онеру, чтобы донести ему о случившемся.

Узнал Уба-Онер о том, что было между его женой и простолюдином в беседке около пруда, и сказал:

– Принеси мне ларец из эбенового дерева, выложенный чистым золотом! Принеси мне ларец, где лежит моя книга заклинаний! И принеси мне чистого воску!

Принес служитель ларец с книгой заклинаний, принес чистого воску. Уба-Онер слепил из воска крокодила длиной в семь пальцев и прочел над ним заклинание:

– Если придет простолюдин, чтобы омыться в моем пруду, схвати его и унеси на дно!

Затем он отдал воскового крокодила служителю и сказал:

– Когда спустится простолюдин, как обычно, к пруду, брось этого крокодила в воду позади него.

Служитель взял воскового крокодила и отправился до-

мой.

И вот жена Уба-Онера снова послала за служителем, надзиравшим за прудом, и приказала ему:

– Вели приготовить беседку около пруда! Я приду туда отдохнуть!

И приготовили для нее беседку, наполнив ее всевозможными превосходнейшими вещами. Пришла в нее жена Уба-Онера со своей служанкой, и там провели они с простолюдином приятный день.

Вечером, как обычно, спустился простолюдин к пруду. И тогда служитель бросил воскового крокодила в воду позади него. Превратился восковой крокодил в настоящего, длиной в семь локтей. Схватил он простолюдина и утащил на дно.

Тем временем верховный жрец-заклинатель Уба-Онер пребывал близ его величества фараона Небка, чей голос правдив. Семь дней находился он возле него, и семь дней бездыханный простолюдин оставался под водой. Но когда миновали семь дней, фараон Небка, чей голос правдив, отправился в путь и прибыл в храм Птаха. Здесь предстал перед ним Уба-Онер и сказал ему:

– Пусть его величество соизволит последовать за мной, дабы увидеть чудо, случившееся в дни его правления с одним простолюдином.

И его величество отправился к пруду вместе с Уба-Онером.

Здесь Уба-Онер приказал крокодилу:

– Вынеси простолюдина на берег!

Выполз крокодил из воды и вынес простолюдина на берег.

Тогда верховный жрец-заклинатель Уба-Онер произнес над крокодилом заклинание и заставил его остановиться перед фараоном.

И сказал фараон Небка, чей голос правдив:

– Воистину этот крокодил ужасен!

Тотчас же нагнулся Уба-Онер, схватил крокодила, и в его руках превратился он в воскового крокодила длиной всего в семь пальцев. Тут поведал Уба-Онер фараону Небка, чей голос правдив, о том, что совершил этот простолюдин с его женой. И тогда приказал его величество крокодилу:

– Унеси к себе то, что ты захватил!

Вновь обратился восковой крокодил в настоящего длиной в семь локтей, схватил простолюдина и уполз в воду. Опустился он на дно пруда и исчез. Что с ним дальше случилось – не знает никто.

Затем приказал фараон Небка, чей голос правдив, отвести жену Уба-Онера в поле к северу от дворца своего. Там ее сожгли и прах ее бросили в реку.

Вот какое чудо, в числе многих, сотворил верховный жрец-заклинатель Уба-Онер в дни правления предка твоего, фараона Небка, чей голос правдив!

Выслушал это его величество Хуфу, чей голос правдив, и сказал:

– Да будет принесено в жертву фараону Небка, чей го-

лос правдив, тысяча хлебов, сто кружек пива, целый бык и две меры ладана! И да будет принесено в жертву верховному жрецу-заклинателю Уба-Онеру хлеб, кувшин пива, мясо и мера ладана, ибо я видел пример его мудрости!

И было сделано все, как приказал его величество.

Волшебство Джаджаманха

Встал тогда Бауфра, другой сын фараона, чтобы начать свою речь. И сказал он:

– Я поведаю твоему величеству о чуде, случившемся во времена правления отца твоего фараона Снофру⁵¹, чей голос правдив. Сотворил это чудо, в числе многих, Джаджаманх, верховный жрец-заклинатель и переписчик книг. До него о подобном никто не слышал, и такого чуда прежде не случилось.

Однажды бродил фараон Снофру по залам дворца своего, искал, чем бы развлечься, но ничего не нашел. И тогда повелел он:

– Ступайте и приведите ко мне Джаджаманха, верховного жреца-заклинателя и переписчика книг!

Тотчас привели Джаджаманха. И сказал ему его величество:

– Я бродил по покоям дворца, искал, чем бы развлечься,

⁵¹ Снофру – фараон, правивший около 2900 г. до н. э., был предшественником фараона Хуфу.

но не нашел ничего. Скажи, что мне делать?

И ответил ему Джаджаманх:

– Пусть твое величество отправится к дворцовому озеру и прикажет снарядить там барку для себя и для лучших красавиц твоего дворца. Сердце твоего величества развеселится, когда ты увидишь, как они гребут. Ты увидишь прекрасные заросли вокруг озера, ты увидишь красивые берега, и усладится зрелищем этим душа твоя.

И вот приказал фараон Снофру, чей голос правдив:

– Пусть принесут мне двадцать эбеновых весел, отделанных золотом, с рукоятками из дерева секеб, украшенными чистым золотом. Пусть приведут ко мне двадцать юных дев, не рожавших ни разу, двадцать юных дев с прекрасным телом, красивой грудью и заплетенными локонами. Пусть доставят мне двадцать сетей и дадут эти сети девам вместо одежд!

И было сделано все, как приказал его величество.

Девы гребли, барка плыла от берега к берегу, и его величество веселился сердцем, глядя на то, как они гребут.

Но вот загребная встряхнула локонами, и ее подвеска, рыбка из молодой бирюзы⁵², упала в воду. Загребная перестала петь и перестала грести, и весь ее ряд перестал петь и перестал грести. Спросил его величество:

⁵² Подвеска, рыбка из молодой бирюзы (то есть из бирюзы, не утратившей от времени свой цвет) – головное украшение в форме рыбки. Такие подвески имели значение амулетов.

– Почему вы не гребете?

И ответили ему девы:

– Загребная наша умолкла и не гребет.

Тогда спросил его величество загребную:

– Почему ты не гребешь?

И отвечала она фараону:

– Подвеска моя, рыбка из молодой бирюзы, упала в воду.

Сказал его величество:

– Греби! Я прикажу дать тебе другую подвеску.

Но она ответила:

– Я не хочу другую, я хочу мою.

Тогда приказал его величество фараон Снофру, чей голос правдив:

– Ступайте и приведите ко мне Джаджаманха, верховного жреца-заклинателя и переписчика книг!

Тотчас привели к нему Джаджаманха. И сказал ему фараон:

– Джаджаманх, брат мой, я сделал, как ты говорил, я смотрел, как гребут эти девы, и радовалось сердце мое. Но вот загребная уронила свою подвеску, рыбку из молодой бирюзы, и упала она в воду. Тогда умолкла загребная и перестала грести, а за ней остановился весь ее ряд. Я спросил ее: «Почему ты не гребешь?» И она мне ответила: «Моя подвеска, рыбка из молодой бирюзы, упала в воду». Я сказал ей: «Греби! Я прикажу дать тебе другую!» Но она ответила: «Я не хочу другую, я хочу мою». Сделай что-нибудь, Джаджаманх!

И тогда верховный жрец-заклинатель и переписчик книг Джаджаманх произнес над озером заклинание. По слову его половина вод озера поднялась и легла на другую половину. На дне озера отыскал он подвеску, рыбку из молодой бирюзы: она лежала на глиняном черепке. Взял он ее и отдал за гребной.

Глубина в том озере доходила на середине до двенадцати локтей, и когда одна половина вод озера легла на другую, поднялось оно в той половине до двадцати четырех локтей. Затем верховный жрец-заклинатель и переписчик книг Джаджаманх вновь произнес над озером заклинание и перенес его воды на прежнее место. Его величество фараон приятно провел день в кругу своих приближенных. А Джаджаманха он одарил превосходнейшими вещами.

Вот какое чудо, в числе многих, сотворил верховный жрец-заклинатель и переписчик книг Джаджаманх в дни правления отца твоего, фараона Снофру, чей голос правдив.

Выслушал это его величество фараон Хуфу, чей голос правдив, и сказал:

– Да будет принесено в жертву фараону Снофру, чей голос правдив, тысяча хлебов, сто кружек пива, целый бык и две меры ладана! И да будет принесено в жертву верховному жрецу-заклинателю и переписчику книг Джаджаманху хлеб, кувшин пива и мера ладана, ибо я видел пример его мудрости!

И было сделано все, как приказал его величество.

Волшебство Джели

Встал тогда Дидифгор⁵³, третий сын фараона, чтобы начать свою речь. И сказал он:

– До сих пор ты видел примеры того, что было совершено людьми, которых уже нет в живых. Невозможно тут отличить правду от лжи. Но вот в твоё время, в твоё правление живет один человек, которого ты не знаешь. А ведь он – великий чародей!

Спросил тогда его величество:

– О ком говоришь ты, сын мой Дидифгор?

И ответил ему Дидифгор:

– Есть такой простолюдин по имени Джели. Живет он в Джед-Снофру⁵⁴. Сейчас ему сто десять лет. Но и до сего дня он съедает зараз пять сотен хлебов, из мясной пищи – половину быка и выпивает по сто кружек пива. Он может приставить на место отрезанную голову. Он может заставить льва следовать за собою без пут: повод его будет волочиться по земле. И он знает планы тайных покоев святилища Тота.

А его величество фараон Хуфу, чей голос правдив, про-

⁵³ Дидифгор – один из сыновей Хуфу; он считался мудрецом и ученым, ему приписывалось открытие магических формул «Книги мертвых», содержащей молитвы и заклинания. Гробница Дидифгора найдена неподалеку от великой пирамиды Хуфу.

⁵⁴ Джед-Снофру (буквально: Долговечен Снофру) – название города вблизи пирамиды фараона Снофру около современного Медуна.

водил все свое время в поисках как раз этих тайных покоев святилища Тота, ибо хотел он сделать подобные им в своей гробнице. Поэтому его величество тотчас сказал:

– Сын мой Дидифгор, ты сам отправишься за ним и приведишь его ко мне!

И вот снарядили суда для Дидифгора, сына фараона. Поплыл он вверх по течению Нила к Джед-Снофру. Через несколько дней суда причалили к берегу и Дидифгор двинулся дальше по суше: он сел на эбеновые носилки с ручками из драгоценного дерева сесенем, отделанными золотом, и его понесли.

Когда они прибыли к Джеди, носилки эти поставили на землю, и Дидифгор поднялся, чтобы приветствовать чародея. Джеди лежал в это время на циновке у порога своего дома. Один слуга поддерживал его голову и умачал ее, а другой слуга растирал ему ноги.

И сказал Дидифгор, сын фараона:

– Джеди, хоть и пришла твоя старость, хоть и близок день твоей смерти, твоего погребения и твоих похорон, подобен ты человеку, еще не достигшему преклонных лет, – твой сон безмятежен, болезней ты не ведаешь и даже кашля нет у тебя!

Так приветствуют людей почтенных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.